

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 246

**Л.В. ОСТАПЕНКО,
Р.А. СТАРЧЕНКО,
И.А. СУББОТИНА**

**РУССКАЯ МОЛОДЁЖЬ
ВНЕ РОССИИ: КИРГИЗИЯ**

Москва

2015

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН

**ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРИКЛАДНОЙ И
НЕОТЛОЖНОЙ ЭТНОЛОГИИ**

№ 246

**Л.В. Остапенко, Р.А. Старченко,
И.А. Субботина**

**РУССКАЯ МОЛОДЁЖЬ ВНЕ РОССИИ:
КИРГИЗИЯ**

*Работа выполнена в рамках международного проекта,
финансируемого РФФИ, «Молодежь в системе межэтнического
взаимодействия в полиэтничных средах» № 14-06-90102,
осуществленного совместно с сотрудниками Государственного
педагогического университета Киргизии в 2014–2015 гг.*

Москва
ИЭА РАН
2015

ББК 63.3(2)64–36(5Кир)
УДК 323.1(575.2) (=161.1)

Серия:
Исследования по прикладной и неотложной этнологии
(издается с 1990 г.)

Редколлегия:
академик РАН В.А. Тишков (отв. ред.),
к.и.н. Н.А. Лопуленко,
д.и.н. М.Ю. Мартынова.

Материалы серии отражают точку зрения авторов
и могут не совпадать с позицией редакционной группы.
При использовании ссылка на материалы обязательна.

О-76 Остапенко Л.В., Р.А. Старченко, И.А. Субботина

Русская молодёжь вне России: Киргизия / Исследования по
прикладной и неотложной этнологии. – М., ИЭА РАН, 2015. –
Вып. 246. – 67 с.

ISBN - 978-5-4211-0148-2

На основе данных статистики и материалов этносоциологического опроса 2014 г. авторы раскрывают основные демографические, социально-экономические и культурно-языковые характеристики современной русской городской молодежи Киргизии. Анализируются жизненные установки и социальные планы молодых людей, их удовлетворенность жизнью, миграционный потенциал, вопросы языковой компетенции и языкового поведения, а также политические предпочтения, готовность к протестным акциям. Особое внимание уделяется проблемам межэтнического взаимодействия молодежи в разных жизненных сферах, оценкам межэтнических отношений в республике и перспектив их развития.

-

© ИЭА РАН – 2015 г.
© Л.В. Остапенко – 2015 г.
© Р.А. Старченко – 2015 г.
© И.А. Субботина – 2015 г.

*Л.В. Остапенко, Р.А. Старченко,
И.А. Субботина*

Русская молодежь вне России: Киргизия

Resume

RUSSIAN YOUTH OUTSIDE RUSSIA: KIRGIZSTAN

Based on statistical data and materials of ethno-sociological survey of 2014, the authors discuss the main demographic, socio-economic and cultural-linguistic characteristics of contemporary urban Russian youth in Kirgizstan. The authors analyze life values and social plans of young people, their life satisfaction, migration potential, language competence and linguistic behavior as well as political preferences, readiness to mass protest. Special attention is given to the problems of interethnic relations among young people in different spheres of life, evaluation of interethnic relations in the republic and prospects of their development.

Содержание

Раздел 1.

<i>Этнодемографическая ситуация</i>	5
Немного истории.....	5
Русские в численности и этническом составе населения современной Киргизии	9
Миграция	12

Раздел 2.

<i>Русская молодежь в социально-экономической сфере</i>	16
Особенности социально-экономического развития Киргизии и социальные позиции русских.....	16
Социально-экономические характеристики русской молодежи Киргизии.....	23

Раздел 3.

<i>Этнологические аспекты жизни русской молодежи</i>	31
Русская молодежь в системе межэтнического взаимодействия.....	31
Языковое поведение и языковые ориентации	41

Раздел 4.

<i>Удовлетворенность жизнью, протестные настроения и потенциальная миграция</i>	53
Удовлетворенность русской молодежи различными сторонами жизни	53
Русская молодежь и политика	57
Потенциальная миграция	60
<i>Заключение</i>	64

Прошло почти четверть века после распада СССР, но проблемы русских, живущих в странах нового российского зарубежья, не теряют своей актуальности. За этот период большинство требований, которые ставились этническими элитами бывших союзных республик во времена этнической мобилизации, были реализованы, языки титульных народов получили статус государственных и распространились на все сферы жизни, власть и юриспруденция почти полностью перешли в руки представителей титульного населения и т.п. Огромное количество русских уехало из республик, а оставшиеся начали постепенно приспосабливаться к условиям своего нового существования. Этнополитическая ситуация в новых суверенных государствах стала менее острой, но остается еще весьма далекой от оптимальной. Высок уровень неудовлетворенности людей русской национальности своей жизнью, остаются напряженными межэтнические отношения, на которые проецируется недовольство значительной части населения низким уровнем жизни, безработицей, резким социально-имущественным расслоением. Продолжается миграция русских, в т.ч. высококвалифицированных специалистов и рабочих, которые ищут пристанище преимущественно на территории своей исторической Родины, решая здесь новые для себя проблемы.

В исследовании, итоги которого предлагаются читателю, делается попытка рассмотреть некоторые стороны жизни современной русской молодежи в одной из бывших союзных республик – Киргизии. Именно молодежь в значительной мере определяет будущее русских диаспор в странах нового российского зарубежья. Анализ ее настроений, потребностей и интересов, культурно-языковых предпочтений, характера отношений с людьми титульной национальности, включенности в жизнь республики, а также демографического поведения, настроенности на миграцию и т.п. представляется достаточно важным как с точки зрения интересов Киргизии, так и России.

Республика Кыргызстан была выбрана в качестве исследовательского поля не только потому, что русские составляют в ней все еще заметную часть (около 8%) особенно в городах, прежде всего, в столице республики Бишкеке (26%), но и в силу того, что в ней весьма высока доля молодежи. В условиях же слабого экономического развития и высокой безработицы молодежь нередко оказывается наиболее уязвимым слоем населения. Республику периодически сотрясают межэтнические конфликты, политические и экономические протестные акции, в которых молодые люди являются не только активными участниками, но и нередко их инициаторами.

Данное исследование проводилось в 2014 г. сотрудниками Института этнологии и антропологии РАН совместно с учеными Киргизского государственного университета им. И. Арабаева в рамках международного проекта «Молодежь в системе межэтнического взаимодействия в полиэтнических средах». Основным источником информации стал этносоциологический опрос в Бишкеке и ряде других городов Киргизии русской молодежи 16–30 лет: учащихся старших классов школ, студентов

последних курсов ВУЗов и работающих. Всего было опрошено 300 чел. Широко использовались статистические и документальные материалы, в т.ч. материалы переписей населения за ряд лет. В качестве сравнения привлекались данные опроса русской молодежи Киргизии 1999 г., выполненного по аналогичной программе.

РАЗДЕЛ 1. ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

Немного истории

Первые русские поселенцы, коими явились казаки Сибирского казачьего войска, появились в Киргизии (Семиреченской области Туркестанского края) в 50–70-е гг. XIX в., после ее вхождения в состав Российской империи. Более поздние переселения русских в эти края носили характер крестьянской колонизации. Особенно усилились миграционные перемещения русских в Киргизию в конце XIX – начале XX вв. Наиболее интенсивно шло заселение северных предгорных территорий современной Киргизии – Чуйской долины. Этому способствовало то обстоятельство, что эти плодородные, пригодные для земледелия районы Киргизии частично пустовали, ибо местное киргизское население, будучи скотоводами, вело кочевой и полукочевой образ жизни. Русские земледельцы, вынужденные бежать из центральных, густо населенных, а, следовательно, малоземельных районов России на окраины, имели возможность начать земледельческое освоение пригодных для этого свободных территорий Киргизии.

Развитие промышленности в начале XX века на окраинных территориях России, каковой являлась и Киргизия, открыло широчайшие возможности миграции сюда квалифицированных рабочих и специалистов из центральных областей России, из сел в быстро развивавшиеся города края.

По результатам Первой Всероссийской переписи населения 1926 г., русское население, жившее в то время на территории Киргизии, более чем наполовину (54%) состояло из мигрантов разных лет, т.н. «неместных уроженцев», «пришлых». 46% русских, живших тогда в Киргизии, были определены как оседлое население, уроженцы данных мест. Для сравнения скажем, что в Туркмении и в Узбекистане в 1926 г. русских уроженцев было существенно меньше: 22% и 8% соответственно. Процесс основания и заселения русскими городов республики отставал от крестьянских переселений конца XIX – начала XX вв. и потому в городах Киргизии доля мигрантов была существенно выше, нежели на селе, составляя в 1926 г. 59%, т.е. почти две трети русских горожан были к тому времени мигрантами первого поколения¹.

Первая послевоенная перепись населения Советского Союза 1959 г. зафиксировала, что в Среднеазиатском регионе проживало 2,2 млн. русских, причем 623,6 тыс. чел., или 28,1%, были жителями Киргизии. В последующее десятилетие общий объем прироста численности русского населения в этой республике составил 232 тыс. чел. или 37,2%, и этот показатель был самым высоким среди республик Среднеази-

атского региона. Столь бурный прирост русского населения в Киргизии был обусловлен не столько рождаемостью, сколько этнотрансформационными процессами (переменной самосознания у части украинского населения на русское, осознанием себя русскими детьми от национально-смешанных браков русских с представителями других национальностей) и миграционным притоком. Такая же динамика прироста была характерна и для некоторых других республик Средней Азии. Так, в Узбекистане прирост численности русского населения в тот же период достигал 35,1%, а в Таджикистане – 31,0%. Существенно ниже был прирост численности русских в Туркмении, где он составил лишь 19,1%, что было связано с менее интенсивным индустриальным развитием этой республики и меньшими потребностями ее народного хозяйства в притоке извне высококвалифицированных специалистов различных отраслей хозяйства и индустриальных рабочих (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности русских в Средней Азии (тыс. чел.)

<i>Территории</i>	<i>1959 г.</i>	<i>1970 г.</i>	<i>1979 г.</i>	<i>1989 г.</i>	<i>Прирост (%) за:</i>		
					<i>1959–70 гг.</i>	<i>1970–79 гг.</i>	<i>1979–89 гг.</i>
Киргизия	623,6	855,9	911,7	916,6	37,2	6,5	0,5
Таджикистан	262,6	344,1	395,1	395,1	31,0	14,8	0,0
Туркмения	262,7	313,1	349,2	333,9	19,1	11,5	–4,4
Узбекистан	1090,7	1473,5	1665,7	1653,5	35,1	13,0	–0,7
Итого в Средней Азии	2239,6	2986,6	3321,7	3299,1	33,4	11,2	–0,7

Источники: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1972. Табл. 1, 2; Население СССР. М., 1983. С. 124–129.

В следующее десятилетие (1970–79 гг.) темпы прироста русского населения начали повсеместно сокращаться, что было связано с изменениями в естественном движении населения: резко снизилась рождаемость, что обуславливалось уменьшением детородного контингента, вступлением в репродуктивный возраст малочисленного военного поколения. Общий прирост русских в стране в целом сократился в это десятилетие вдвое, по сравнению с предыдущим (1959–70 гг.), и составил лишь 6,5% против 13,1%. Прирост русских в Киргизии в 1970–79 гг. достиг лишь 56 тыс. чел., или 6,5%, что примерно соответствовало среднему показателю по стране, но было в 6 раз меньше, чем в 60-е гг., и объяснялось не только изменениями в естественном движении русских, но и сокращением миграционных перемещений в эту республику. Снижение объема прироста численности русских в других республиках Средней Азии было не столь резким: так, в Узбекистане объем прироста численности русских составил в 1970-е гг. 13%, что лишь в 2,5 раза меньше, чем в 60-е гг.; в Туркмении прирост численности русского населения снизился менее, чем в два раза, и составил 11,5%; в Таджикистане прирост численности рус-

ских был равен 14,8%, что ниже показателя предыдущего десятилетнего периода в два раза.

Последующая динамика численности русских в Киргизии, как, впрочем, и в других республиках Средней Азии, определялась главным образом изменениями в миграционных перемещениях русского населения, уменьшением притока русских на эти территории в начале 1980-х гг. и увеличением миграционного оттока русских, начавшего нарастать с середины 1980-х гг. В результате за период с 1979 по 1989 гг. численность русских в Киргизии возросла лишь на 4,9 тыс. чел., или на 0,5%, что свидетельствовало об оттоке русских, практически равном их естественному приросту. Существенным снижением численности русских выделялась в этот период лишь Ошская область республики, где за период с 1979 по 1989 гг. абсолютная численность русских сократилась на 9,7%, что было связано со сложным этническим составом населения этой области, межнациональными конфликтами, высокой степенью трудоизбыточности и безработицы среди сельского населения.

В этот же период в Таджикистане прирост русского населения был нулевым, а в Узбекистане и Туркмении отмечалось даже снижение абсолютной численности русских на 0,7 и 4,4% соответственно, что говорило о более интенсивном их оттоке из этих республик. Таким образом, в Киргизии к началу 1990-х гг. миграционный отток русских был **наименьшим** среди республик Средней Азии.

Как видно из материалов таблицы 2, в 1959 г. доля русских в Киргизии была наиболее высокой (30,2%) среди республик Средней Азии: почти каждый третий житель Киргизии был русским. Удельный вес русских в остальных республиках Среднеазиатского региона колебался от 13,3% в Таджикистане до 17,3% в Туркмении. Из всех республик бывшего Советского Союза (кроме России) только в Казахстане доля русских в населении была более высокой (42,7%), нежели в Киргизии. Постоянно происходящее снижение удельного веса русских в населении, обусловленное более высоким естественным приростом у лиц титульных национальностей Средней Азии (в сравнении с русскими), а затем и миграционным оттоком русских из среднеазиатского региона, привело к тому, что в Киргизии доля русских в населении к 1989 г. упала до 21,5%, а в остальных среднеазиатских республиках она составила 7,8–9,5% (табл. 2).

Из всех среднеазиатских республик только Киргизия выделялась наиболее высокой долей сельского русского населения, что было обусловлено историческими условиями заселения русскими этого края, в особенности – удобных для земле-

Таблица 2
Доля русских в населении республик
Средней Азии (%)

Территории	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
Киргизия	30,2	29,2	25,9	21,5
Таджикистан	13,3	11,9	10,4	7,8
Туркмения	17,3	14,5	12,6	9,5
Узбекистан	13,5	12,5	10,8	8,4

Источники: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1972, табл. 1,2; Население СССР. М., 1983. С. 124–129.

деля северных предгорных территорий Чуйской долины. По данным переписи населения 1959 г., среди русских Киргизии было 42% сельских жителей. Только в России удельный вес сельского населения среди русских превышал этот показатель (45%). Близкой к показателю по Киргизии была доля сельчан среди русского населения Казахстана (41%)².

За прошедшие тридцать лет (с 1959 по 1989 гг.) доля сельчан у русских Киргизии снизилась до 30%, тем не менее, оставаясь самой высокой среди русского населения всех бывших союзных республик, не исключая и России. Снижение удельного веса сельчан среди русского населения Киргизии, обусловленное миграционными передвижениями русских, долгое время не сопровождалось снижением абсолютной численности русских в сельской местности Киргизии. Напротив, в целом за период с 1959 по 1989 гг. численность русских сельчан в этой республике возросла на 5%. Увеличение численности сельского русского населения было характерно лишь для Украины (4%) и Эстонии (18%). Во всех остальных бывших союзных республиках сельское русское население за этот период сократилось, порой очень значительно, главным образом, за счет миграционного оттока русских. Так, например, в Азербайджане оно сократилось в три раза, в Армении, Грузии и Узбекистане – в два раза. Правда, характерное для 30-летнего периода возрастание в целом абсолютной численности сельского русского населения Киргизии не было равномерным: последовательный его рост до конца 1970-х гг. сменился в 1980-е некоторым сокращением численности русских сельчан за счет их миграционного оттока.

Наиболее интенсивным был этот отток из сельской местности Ошской области, где за период с 1979 по 1989 гг. численность русских сократилась на 19,1%.

Сельское население Киргизии, как и любой другой республики, отличалось большей (в сравнении с городами) однородностью национального состава, а потому доля русских среди сельских жителей республики была невелика – 19,2% (1959 г.). Последовательное снижение доли русских в селе, обусловленное как миграционными перемещениями, так и более высоким естественным приростом у киргизов, привело к тому, что в 1989 г. в сельском населении удельный вес русских снизился почти в два раза и составил только 10,5%, т.е. лишь каждый десятый сельский житель был русским. Снижение доли русских среди сельчан не было равномерным по территории республики. Если за 1979–89 гг. их доля в целом снизилась с 13,2 до 10,5%, т.е. на 2,7% пункта, то, например, в Иссык-Кульской области, отличающейся высокой долей киргизов в населении, это снижение было гораздо стремительнее: с 18,4% до 9,0%. Удельный вес русских в селах Ошской области снизился за этот период с 1,5 до 0,9%, а, скажем, в Чуйской долине, где потенциал русских был довольно велик, только с 34 до 30%.

В 1959 г. лишь немногим более половины русского населения Киргизии проживало в городах, и главным образом, русские были сконцентрированы в столице – г. Фрунзе (ныне – Бишкек): примерно треть всех русских республики жила в этом

городе. В Туркмении наблюдалась такая же картина. В Узбекистане, а особенно в Таджикистане степень концентрации русских в столичных городах была еще более высокой.

За последние 30 лет существования СССР (1959–89 гг.) процессы концентрации русского населения в столицах бывших союзных республик продолжали однонаправленно развиваться. Во всех республиках Средней Азии, в т.ч. и в Киргизии, степень этой концентрации усилилась. К 1989 г. почти половина русских Таджикистана (49,2%) проживала в Душанбе. Свыше сорока процентов (42,3%) русских Узбекистана были жителями Ташкента, а в Киргизии 37,2% русских являлись столичными жителями.

Усиление степени концентрации расселения русских в столичных городах вовсе не сопровождалось однозначным увеличением доли русских в населении этих городов. Наоборот, во всех столицах республик Средней Азии удельный вес русских в населении из года в год снижался, а доля титульной нации неуклонно возрастала, что обусловлено было множеством факторов: и оттоком русского населения, и усиленной миграцией лиц титульной национальности в столичные города, и более высоким их естественным приростом, в сравнении с русскими.

Необходимо отметить, что наряду со снижением удельного веса русских во всех столицах республик Средней Азии, их доля сильно варьировала: если в Ашхабаде, Душанбе и Ташкенте русские составляли примерно треть населения, то в Бишкеке и в 1989 г. «русский потенциал» был достаточно велик – 55,8% (в 1959 г. удельный вес русских в Бишкеке составлял 71,8%, а доля киргизов едва превышала 9%)³.

Русские в численности и этническом составе населения современной Киргизии

Проведенные в 1999 и 2009 гг. в Киргизии переписи населения, первые в истории этого молодого государства, дали возможность показать изменения в этнодемографической картине республики, произошедшие за постсоветский период. Как показала перепись, численность населения республики за период 1989–1999 гг. возросла с 4258 тыс. до 4823 тыс. чел., или на 13,3%, а в последующее десятилетие увеличилась еще на 11,2%, достигнув 5 363 тыс. чел. (табл. 3).

Численность титульной нации – киргизов выросла за 1989–1999 гг. почти на 40%, или на 900 тыс. чел., а в период 1999–2009 гг. – еще на 22%, или на 670 тыс. чел. Возросла численность узбеков (соответственно на 21% и на 16%), дунган, уйгуров, турок, что было связано в основном с естественным приростом населения. Увеличилась и численность таджиков, что было обусловлено в основном прибытием беженцев из районов военных действий в Таджикистане.

Динамика численности казахов и корейцев была неоднозначной: увеличившись за период 1989–1999 гг., в последующее десятилетие абсолютная численность этих этнических групп заметно снизилась, что было детерминировано их миграционными перемещениями за пределы Киргизии.

Таблица 3

Изменение численности постоянного населения отдельных национальностей Киргизии*

	Численность (чел)			В % к итогу		
	1989 г.	1999 г.	2009 г.	1989 г.	1999 г.	2009 г.
Всего по республике	4 257 755	4 822 938	5 362 793	100	100	100
В том числе:						
Киргизы	2 229 663	3 128 144	3 804 788	52,4	64,9	70,9
Узбеки	550 096	664 953	768 405	12,9	13,8	14,3
Русские	916 558	603 198	419 583	21,5	12,5	7,8
Дунгане	36 928	51 766	58 409	0,9	1,1	1,1
Украинцы	108 027	50 441	21 924	2,5	1,0	0,4
Уйгуры	36 779	46 733	48 543	0,9	1,0	0,9
Татары	70 068	45 439	31 491	1,6	0,9	0,6
Казахи	37 318	42 657	33 198	0,9	0,9	0,6
Таджики	33 518	42 636	46 105	0,8	0,9	0,9
Турки	21 294	33 327	39 133	0,5	0,7	0,7
Немцы	101 309	21 472	9487	2,4	0,4	0,2
Корейцы	18 355	19 764	17 299	0,4	0,4	0,3
Другие национальности	97 842	72 408	72 398	2,3	1,5	1,3

* Рассчитано по данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики.

Последовательное снижение численности населения отмечалось в 1989-2009 гг. у немцев (в 11 раз), украинцев (в 5 раз), татар (в 1,5 раза), что было связано с процессами эмиграции.

Абсолютная численность русских в Киргизии в 1999 г. составила 603,2 тыс. чел.⁴, что было меньше численности русского населения республики не только 1989 г., но даже 1959 г. В сравнении с последней Всесоюзной переписью населения, численность русских в этой республике уменьшилась на 313,4 тыс., или в 1,5 раза. В следующий межпереписной период (1999–2009 гг.) численность русских в Киргизии снижалась несколько более медленными темпами, но все же уменьшилась еще почти в 1,5 раза, достигнув 419,6 тыс. чел., или более чем на одну треть, что связано, во-первых, с миграционным оттоком русских из Киргизии, и во-вторых, со снижением естественного прироста русского населения, который с начала 90-х гг. выражался отрицательными величинами. Смертность у русских превышала рождаемость, что было детерминировано их возрастной структурой с высокой долей лиц пожилого возраста.

Изменение численности русского населения Киргизии, обусловленное естественным и миграционным движением, а также процессами смены этнического самосознания у части населения, привели к изменениям в национальном составе населения республики, снижению доли русских и изменению их геополитической роли в республике и среднеазиатском регионе в целом.

Переписи населения, проведенные в Киргизии в 1999 и 2009 гг., дают возможность показать динамику изменений национального состава республики за время существования ее как независимого государства (табл. 4).

Таблица 4

Национальный состав населения Республики Кыргызстан (%)

<i>Национальности</i>	<i>1989 г.</i>	<i>1999 г.</i>	<i>2009 г.</i>	<i>Изменение за 1989– 1999 гг.</i>	<i>Изменение за 1999– 2009 гг.</i>
Всего	100,0	100,0	100,0		
Киргизы	52,4	64,9	70,9	+12,5	+6,0
Русские	21,5	12,5	7,8	–9,0	–4,7
Узбеки	12,9	13,8	14,3	+0,9	+0,5
Украинцы	2,5	1,0	0,4	–1,5	–0,6
Прочие	10,7	7,8	6,6	–2,9	–1,2

Источник: Кыргызстан в цифрах. Статистический сборник. Национальный статистический комитет Кыргызской республики. Бишкек, 2000. С. 214.

Итак, за 1989–99 гг., почти целиком падающими на период существования независимого Кыргызстана, доля русского населения снизилась чрезвычайно сильно – в 1,7 раза, и русские уступили узбекам второе место в национальной структуре населения республики, переместившись на третье. Почти такими же быстрыми темпами снижалась и доля в населении республики других славянских народов – украинцев и белорусов. Если в 1989 г. удельный вес всего славянского населения в Киргизии составлял 24,2%, то к 1999 г. этот показатель упал до 13,6%. Удельный вес немцев сократился с 2,4% до 0,4%. Одновременно с этим доля титульной национальности возросла с 52,4% до 64,9%, увеличился удельный вес узбекского населения – 13,8% до 14,3%.

В следующий межпереписной период (1999–2009 гг.) сохранялись тенденции изменения этнического состава населения Киргизии, сложившиеся в прошедшее десятилетие: усилилась моноэтничность республики – доля титульной национальности превысила 70% населения, продолжал увеличиваться удельный вес узбеков, снижалась доля немцев, всего славянского населения, удельный вес русских уменьшился еще в 1,6 раза, достигнув 7,8%.

Новый период существования независимого Кыргызстана внес свои перемены в сельскую «русскую картину». Наметившаяся к концу 1990-х гг. тенденция к снижению абсолютной численности русского населения получила активное развитие. К концу XX в. численность русских в селах Киргизии снизилась до 208 тыс. чел., и это сокращение прошло стремительными темпами: за одно десятилетие, короткий исторический период, абсолютная численность русского сельского населения сократилась на одну четвертую часть (–24,5%), в последующее десятилетие – еще на 30%.

В постсоветский период процессы усиления моноэтничности состава сельского населения в республике продолжались все более быстрыми темпами, удельный вес русских в селах Киргизии снизился за годы независимости с 10,5% до 4,4%.

Процессы сокращения численности русского населения в Киргизии сопровождались усилением его концентрации в столице. К 1999 г. в Бишкеке проживало уже 41, 9% всех русских Киргизии, что на 4 процентных пункта превышало показатели переписи 1989 г., а к 2009 г. – 45,8%.

Два десятилетия существования независимого Кыргызстана стремительно изменили этнический состав столицы республики: если в 1989 г. город еще можно было назвать «русским», когда удельный вес русских составлял 55%, т. е. это был каждый второй житель Бишкека, то к 1999 г., несмотря на усиление концентрации русских республики в ее столице, их удельный вес сократился до 33%, и уже лишь один из трех жителей города представлял русское население. К 2009 г. доля русских в Бишкеке сократилась до 23%. Эти процессы были обусловлены как более высоким естественным приростом у населения титульной национальности, так и интенсивными миграциями киргизов в столицу страны. Удельный вес киргизов в Бишкеке за период 1999–2009 гг. возрос с 52% до 66%.

Миграция

Сокращение численности русского населения в ряде союзных республик с 1980-х гг. было результатом двух процессов: прибытия в республики и выбытия из них. Если к середине 1980-х гг. постоянная для России миграционная убыль населения сменилась его миграционным приростом, то главным образом это было следствием сокращения потоков выбытия из России в другие регионы при почти стабильных по величине потоках прибытия из других республик. И только с середины 80-х гг. миграционные потоки, «выплескивающие» русских из союзных республик в Россию начали возрастать. 1980-е гг. явились тем временным рубежом, когда характерная для истории русских инерция движения, «растекания» по территории страны уменьшилась, наступил момент относительного покоя, перелома, после которого зародилось и стало набирать силу противоположное по направлению движение – центростремительное, «собирающее».

Среднеазиатские республики в ряду бывших союзных республик выделялись изменяющейся картиной миграционных передвижений русского населения: тенденция миграционного прироста русских в Средней Азии 1960-х – начала 1970-х гг. сменилась во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг. их миграционной убылью. В Киргизии отток русских отмечался уже к середине 1970-х гг. Правда, он был очень небольшим и в последующие годы (особенно в городских поселениях) практически был равен нулю. К 1989 г. во всех республиках Средней Азии наблюдался отток русских, численность выбывавших из республик русских превышала численность русских, прибывавших в названные республики (табл. 5).

За период 1989–1999 гг. Киргизия потеряла в результате миграции около 400 тыс. чел., при этом две трети миграционных потерь, или 257 тыс. чел., составило славянское население. Очень значительны были потери русского населения (–224 тыс. чел.), немцев (–86 тыс. чел.), узбеков (–27 тыс. чел.), татар (–22 тыс. чел.).

Около 80% выбывших русских и татар выехали в Россию, более 80% узбеков – в Узбекистан, казахов – в Казахстан, немцев – в Германию⁵.

Таблица 5

**Динамика межреспубликанских миграционных перемещений русских
 (по городским поселениям)**

Республики	Прибыло из-за пределов республики (чел.)			Выбыло за пределы республики (чел.)			Миграционное сальдо (чел.)		
	1989	1990	1991	1989	1990	1991	1989	1990	1991
Киргизия	12 171	10 271	8958	13 551	19 739	18 972	–1380	–9468	–10 014
Таджикистан	7246	6379	6144	13 647	39 625	18 633	–6401	–33 246	–12 489
Туркмения	6942	5338	5217	9672	10 110	9640	–2730	–4772	–4423
Узбекистан	23 470	18 651	17 002	38 865	53 133	41 410	–16 395	–34 482	–24 408

1990 г. дал резкое увеличение размеров миграционного оттока русских из среднеазиатских республик. Наибольший абсолютный отток русских (по городским поселениям) отмечался в Узбекистане (–34,5 тыс. чел.) и Таджикистане (–33,2 тыс. чел.). В Киргизии он возрос до 9,5 тыс. чел., по сравнению с 1,4 тыс. чел. в 1989 г., т.е. в 6,8 раза, что в значительной степени было связано с произошедшим в республике в 1990 г. межэтническим конфликтом между киргизами и узбеками. В других республиках Средней Азии рост численности выбывших был не столь стремительным: в Туркмении – в 1,7 раза, в Узбекистане – в 2,2 раза, даже в Таджикистане – в 5,2 раза. В 1991 г. отток русских из этих республик несколько снизился, а миграционная убыль русских Киргизии продолжала нарастать.

В 1992 г. из городов Киргизии выехало 39,8 тыс. русских, что было в два раза выше, чем в 1991 г. Миграционный отток только в городских поселениях возрос за год (с 1991 по 1992 гг.) до 33,0 тыс. чел., что в 3,3 раза пре-

Таблица 6

**Внешняя миграция населения
 в Киргизии по отдельным
 национальностям за 1989–1999 гг.**

	Прибыло	Выбыло	Миграционный прирост, отток (–)
Всего	257 922	651 439	–393 517
В том числе:			
Киргизы	48 818	30 775	18 043
Русские	112 495	336 773	–22 4278
Немцы	10 093	96 288	–86 195
Украинцы	14 232	44 231	–29 999
Узбеки	22 635	49 975	–27 340
Татары	8927	31 291	–22 364
Евреи	408	4578	–4170
Белорусы	1156	3486	–2330
Азербайджанцы	4681	5930	–1249
Таджики	3056	4299	–1243
Казахи	9476	10 587	–1111
Уйгуры	2023	2686	–663
Армяне	407	1039	–632
Корейцы	3499	3933	–434
Туркмены	143	266	–123
Турки	2955	2412	543
Дунгане	2453	1505	948
Другие национальности	10 465	21 385	–10 920

Источник: Основные итоги первой национальной переписи населения Кыргызской Республики 1999 года. Бишкек, 2000. С. 59.

высило показатель прошедшего года. Только из Бишкека выехало в 1992 г. 15,2 тыс. русских, а миграционное сальдо у русских составило –12,7 тыс. чел.

Из сельской местности Киргизии в 1992 г. выбыло 19,5 тыс. русских, а миграционное сальдо составило –15,5 тыс. чел. В целом из республики в 1992 г. выехало 59,3 тыс. русских, а миграционное сальдо у русских достигло –48,5 тыс. чел. Миграционный отток украинцев и белорусов составил 7,4 тыс. чел.

В 1993 г. миграционный отток из республики продолжался более интенсивно. Из Киргизии выбыло 144 тыс. чел. (в 1992 г. – 104 тыс.). Отрицательное миграционное сальдо составило 121 тыс. чел., что в 1,6 раза больше, чем в 1992 г. (–77 тыс. чел.). Основной поток выбывших, как и ранее, приходился на Россию – 106 тыс. чел. (более 70% всех выбывших): более 22 тыс. чел. выехали в Западную Сибирь, 20 тыс. – в Поволжский район, по 15 тыс. – в Центральный и Центрально-Черноземный районы. Наибольшая интенсивность выбытия за пределы республики отмечалась в Чуйской долине и Бишкеке (соответственно 66 и 55 выбывших на каждую тысячу жителей), территориях с наибольшей долей русских в населении⁶.

Высокий уровень миграционного оттока русских из Бишкека начал проявляться уже в 1990 г. после известных событий 1989 г. по samozaxvatu территорий на окраинах и в окрестностях города недавними сельскими мигрантами, в основном молодежью, прожившими в Бишкеке несколько лет и не имевшими в городе своего жилья. Столичный город всегда привлекателен для мигрантов своими широкими возможностями образовательного, культурного и индустриального центра. Факторы притяжения мигрантов к Бишкеку усиливались и трудоизбыточностью киргизского села, когда сельская молодежь не имела возможности трудоустроиться и вынуждена была мигрировать в города. Сельские мигранты попадали не только в новую для них социальную среду с ее сложностями, разобщенностью, но и в новую этнокультурную среду, ибо в Бишкеке большую часть населения составляли русские и представители других (кроме титульной) национальностей, а киргизов было лишь около четверти населения города. Сложности «вживания» в новую этносоциальную среду, сопровождавшиеся бытовой неустроенностью, отсутствием жилья, провоцировали недавних сельских мигрантов на открытые выступления, которые нередко носили национальный характер. Массовые samozaxvaty земель под строительство жилья, выступления молодежи с националистическими лозунгами испугали многих жителей Бишкека нетитульной национальности, усилив межнациональную напряженность, вызвав миграционный отток русскоязычного населения из города. Указ президента Киргизии о киргизской сельской молодежи, принятый в феврале 1992 г. и гарантировавший этой молодежи разнообразную моральную и материальную помощь, еще более усилил миграцию сельских киргизов в города, и это послужило дополнительным фактором выталкивания русского населения.

Из-за интенсивной миграции из Киргизии русских и другого нетитульного населения впервые за послевоенные годы общая численность населения республики в начале 1990-х гг. сократилась. Президент Киргизии Аскар Акаев оценил это

состояние миграционных процессов в республике как «час пик». В июне 1994 г. (15 июня) был подписан Указ о мерах по регулированию миграционных процессов в Кыргызской республике, в котором предусматривалось обеспечение справедливого представительства русскоязычных в органах власти всех уровней, продление сроков перевода делопроизводства на государственный язык, усиление борьбы с бытовым национализмом, упрощение получения гражданства России и возвращения гражданства Кыргызстана, было установлено, что в коллективах, где большинство составляли русскоязычные, а также в сферах деятельности, связанных с применением русского языка, последний является официальным, наряду с киргизским⁷. А. Акаев предложил ряд новых антимиграционных мер, прежде всего в экономической сфере: это и образование российско-киргизской холдинговой компании, транзакционные операции с недвижимостью выезжающих из Киргизии в Россию русских, содействие среднему и мелкому бизнесу этнических россиян в Киргизии и др.⁸

1993 г. был пиком миграционного оттока русских из Киргизии. Начиная с 1994 г. миграция русских за пределы республики стала постепенно сокращаться (табл. 7).

В 1994 г. миграционный отток русских сократился (в сравнении с 1993 г.) в 4 раза, в 1995 г. – еще в три раза. 1998 г. был наиболее «благополучным» в миграционном отношении, отрицательное сальдо миграции составило менее трех тысяч (–2678), что было в 40 раз ниже «пикового» 1993 г. И тем не менее за 1994–1999 гг. чистые потери русского населения в Киргизии составили почти 59 тыс. чел.

Свою значительную лепту в эти процессы вносил столичный город, исторически отличавшийся очень высокой долей русского населения (табл. 8).

Таблица 7
Миграция русских из Киргизии
(1994–1999 гг.)

Годы	При- было	Вы- было	Мигра- цион- ное сальдо
1994	9869	41 463	–31 594
1995	9242	18 718	–9476
1996	7954	14 020	–6066
1997	6349	9891	–3542
1998	5191	7869	–2678
1999	3685	9281	–5596
Итого	42 230	101 242	–58 952

Таблица 8
Миграционные перемещения
русских из Бишкека за пределы
Киргизии (1994–1999 гг.)

Го- ды	При- было	Вы- было	Сальдо мигра- ции
1994	2509	13 186	–10 677
1995	2611	6258	–3647
1996	2235	4260	–2025
1997	1629	3208	–1579
1998	1141	2377	–1236
1999	848	3082	–2234
Итого	10 973	32 371	–21 398

За период 1994–1999 гг. миграционное сальдо русских в Бишкеке за счет внешней (за пределы республики) миграции составило свыше 21 тыс. чел. (–21 398), что представляло более 1/3 миграционных потерь русских Киргизии. Но учитывая, что в Бишкеке проживало свыше половины всех русских Киргизии, мож-

но сделать вывод, что миграционные потери русского населения в Бишкеке были менее интенсивны, чем в других регионах республики.

Таблица 9

**Внешняя миграция русских
Киргизии в 2000-е годы**

Годы	При- было	Выбы- ло	Сальдо мигра- ции
2008	1120	15 470	-14 350
2009	1131	9971	-8840
2010	989	12 697	-11 708
2011	1576	12 834	-11 258
2012	962	5395	-4433
2013	749	4494	-3745
Итого	6127	60 861	-54 334

Составлено по: Демографический ежегодник Кыргызской Республики: 2009–2013. Бишкек, 2014. С. 298–299; Демографический ежегодник Кыргызской Республики: 2008–2012. Бишкек, 2013. С. 292–294.

С 1999 г. в республике стала намечаться тенденция к новому росту «миграционных потерь» русских, во многом обусловленная разразившимся экономическим кризисом⁹. На рост миграции русского населения из Киргизии повлияло и обострение внутривнутриполитической обстановки: вторжение вооруженных групп из Таджикистана в Баткенский район на юге страны для переправки в Узбекистан в 1999 и 2000 гг., произошедшая смена власти в республике в 2005 г. (т.н. «Тюльпановая революция»), сопровождающие ее беспорядки и социально-экономические последствия¹⁰.

Если сравнить показатели миграционного оттока русских Киргизии второй половины 1990-х гг. (1994–1999 гг.) и пятнадцать лет спустя (2008–2013 гг.), то можно констатировать, что абсолютные величины миграционных потерь русского населения были почти равно-

значны – 59 тыс. и 54 тыс. чел. соответственно. Уменьшившийся в полтора раза «русский потенциал» Киргизии (600 тыс. русских Киргизии в 1999 г. и лишь 420 тыс. – в 2009 г.) не сократил масштабов миграционных «выплесков» из страны, т.е. интенсивность миграционного оттока русских из республики в первом десятилетии XXI в. следует признать более высокой. И лишь в 2012–2013 гг. в Киргизии было отмечено значительное сокращение объема эмиграции русских, как и населения других национальностей, включая киргизов. Вероятно, сложившаяся ситуация в определенной степени обусловлена прекращением действия двухстороннего межправительственного соглашения по упрощенному приобретению гражданства между Киргизией и Россией (куда направлялась большая часть эмигрантов), что ускорило принятие решения о переезде из Киргизии и облегчало условия адаптации на новом месте жительства, в России.

РАЗДЕЛ 2. РУССКАЯ МОЛОДЕЖЬ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Особенности социально-экономического развития Киргизии и социальные позиции русских

Русские в советской Киргизии. В течение многих десятилетий до распада Союза положение русских в Киргизии было относительно стабильным. Местные русские активно участвовали в самых разных сферах экономики, свободно пользовались русским языком, развивали свою культуру и традиции. В их составе

сформировались довольно масштабные отряды высокообразованных кадров, занятых в сфере интеллектуального труда, высококвалифицированных рабочих. К концу советского периода по этим показателям русские Киргизии занимали примерно средние позиции относительно русских, живущих в других союзных республиках.

Согласно сведениям переписи населения 1989 г., немалая часть (около 60%) в социально-профессиональном составе местных русских приходилась на работников физического труда, что в определенной мере объяснялось сравнительно заметной долей среди них сельских жителей, занятых в сельскохозяйственном производстве (почти 10%). Данный показатель был выше, чем у русских большинства других республик, входивших в СССР, кроме РСФСР и Казахстана¹¹. Немаловажную роль играла и значительная концентрация работников русской национальности в индустриальном секторе, особенно в отраслях машиностроения и металлообработки, где широко использовался квалифицированный физический труд.

Эта последняя особенность, в свою очередь, была связана с ярко выраженным в республике межэтническим разделением труда. В отраслевом составе русских и киргизов, живущих в одной республике, наблюдались серьезные расхождения. Прежде всего, они проявлялись в разной степени занятости представителей этих национальностей в сельском хозяйстве, что было характерно и для других союзных республик, где сельскохозяйственное производство находилось в руках титульных народов за счет их более массового, в сравнении с русскими, расселения в сельской местности. Однако своеобразие профессионально-отраслевой занятости русских и киргизов наблюдались и в городской среде, что выражалось главным образом в относительно слабом участии киргизов в отраслях тяжелой индустрии, в развитие которых в республике немало усилий вложили русские.

Соответственно среди местного русского населения индустриальные кадры выглядели весьма весомыми: в конце 1980-х гг. (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.) более чем половина работающего населения русской национальности была представлена работниками индустрии. В городском населении они составляли почти 60%, что было заметно выше, чем у киргизов, а также у русских жителей многих других союзных республик¹². Состав самих работников индустриальных отраслей имел явную этническую окраску – русские преобладали в тяжелых отраслях, в особенности в машиностроении и металлообработке, а киргизы – в легкой и пищевой промышленности, на автотранспорте.

На фоне массовой занятости русских в индустрии происходило постепенное ослабление их участия, особенно в 1970–80-е гг., в отраслях просвещения, здравоохранения, науки, культуры, управления, что было связано с довольно быстрым ростом образования киргизов, уровня их урбанизированности. К концу 1980-х гг. относительная численность врачей и учителей среди русских в городском населении оказалась почти в полтора раза ниже, чем у киргизов, а работников юриспруденции – в два раза.

Высокой популярностью и престижем пользовались у киргизов должности в сфере управления. Стать «человеком с портфелем» было мечтой многих представителей киргизской молодежи. Уже в конце 1970-х гг. относительная численность управленческих кадров среди русских в сравнении с киргизами заметно снизилась. В конце же 1980-х гг. в Киргизии на 10 000 занятого городского населения приходилось работников органов власти среди русских 44 чел., а среди киргизов – 109.

Хотя киргизы оставались менее склонными к торговой деятельности, чем, например, узбеки и таджики, они заметно опережали в этом отношении местных русских. Накануне распада Союза в составе горожан-киргизов относительная численность директоров магазинов и торговых организаций была в полтора раза выше, чем у русских, а продавцов – вдвое больше.

В то же время в социально-профессиональном составе русских и киргизов различия проявлялись слабее. Если относительно всего населения социально-культурные позиции русских выглядели несколько выше, чем у киргизов, за счет большей численности у последних сельских жителей, то в составе горожан к началу 1990-х гг. доля интеллигенции (специалистов и руководителей) у представителей этих национальностей оказалась практически одинаковой, а по образовательному уровню городские киргизы начали даже несколько опережать русских. Тем не менее, русские продолжали выделяться более массовыми отрядами квалифицированных рабочих и меньшей долей работников мало- и неквалифицированного физического труда.

Социально-экономическое развитие постсоветской Киргизии. В первые годы после распада Советского Союза экономика всех стран постсоветского пространства подверглась жестокому экономическому кризису. Как показывает статистика, наиболее значительные экономические потрясения в Киргизии пришлось на первую половину 1990-х гг. В дальнейшем ситуация стала несколько улучшаться, хотя и в 2002 г. объем валового внутреннего продукта составлял лишь 76% от уровня 1991 г.¹³ К 2014 г. этот показатель оказался уже в 6 раз выше уровня 2000 г. Правда, по сравнению с другими странами СНГ в расчете (в рублях) на душу населения он выглядел все еще не высоким.

На фоне экономического кризиса шел процесс отраслевой перестройки экономики, который стал важнейшей составляющей социально-экономических трансформаций постсоветского времени, затронув интересы подавляющей части трудоспособного населения. Во всех странах СНГ заметно сократилась доля индустриальных отраслей. После 1991 г. Киргизия также пережила серьезный спад промышленного производства, один из самых глубоких в СНГ (ниже он был только в Грузии). В последующие годы республике удалось достичь определенных успехов в индустриальном развитии. Объем промышленной продукции неуклонно рос: в 2014 г., по сравнению с 2000 г., он увеличился почти в 5 раз. Но в расчете (в рублях) на душу населения Киргизия все еще отставала от большинства стран Содружества (кроме Таджикистана)¹⁵.

Численность занятых в промышленном производстве упала как по абсолютной величине, так и по доле во всем занятом населении. С 1991 по 2004 гг. удельный вес работников промышленности снизился в республике с 19% до 8%¹⁶. Доля работников машиностроения и металлообработки среди всего промышленно-производственного персонала только за первую половину 1990-х гг. сократилась с 41% до 28%. В 2014 г. удельный вес работников промышленности составил всего 9,4%, став ниже, чем в строительстве (10,8%)¹⁷.

Крайне тяжелая ситуация сложилась и в бюджетной сфере, финансирование которой с начала 1990-х гг. резко сократилось, что привело не только к заметному снижению заработной платы ее работников, но и к прекращению деятельности ряда учреждений культуры, здравоохранения, просвещения, науки. Тем не менее, относительная численность занятых в здравоохранении и просвещении упала в Киргизии не столь существенно, как в промышленности. А вот сфера науки пострадала заметнее. Относительная численность научных сотрудников сократилась с 1990-го по 1999-й гг. в пять раз¹⁸. С начала нового века научная деятельность начала постепенно возрождаться, число людей, занятых научными исследованиями и разработками, стабилизировалось, а к 2014 г. даже несколько возросло¹⁹.

Среди отраслей, которые за годы реформ в основном сохранили численность своего персонала или даже повысили ее, во всех республиках выделялись сферы торговли и обслуживания. Несколько расширился финансово-кредитный сектор. Наиболее же заметный рост в Киргизии пришелся на долю чиновников-управленцев, причем как по относительной, так и по абсолютной величине. Выросла доля сельскохозяйственного населения, как за счет снижения удельного веса занятых в других хозяйственных отраслях, так и в результате роста абсолютной численности самих работников сельского хозяйства.

Серьезным последствием спада экономики стал рост безработицы. Согласно данным выборочных обследований по проблемам занятости, уровень безработицы в 2000 г. в Киргизии выделялся среди стран Содружества наибольшей величиной. В дальнейшем этот показатель стал снижаться. В 2014 г. он составлял 8,2%, что, однако, было выше, чем в России, Азербайджане, Казахстане, Молдове, Узбекистане, но ниже, чем в Армении, Таджикистане и Украине²⁰.

С точки зрения интересов нашего исследования, особый смысл имеет вопрос об уровне молодежной безработицы. Нельзя не отметить, что в большинстве стран Содружества (кроме Казахстана) уровень безработицы среди молодых людей в возрасте 15–24 лет был выше, по сравнению с общим показателем. И Киргизия не стала исключением. Тем не менее, в последние годы ситуация с занятостью молодежи, судя по данным статистики, несколько улучшилась, и по уровню молодежной безработицы Киргизия не попала в лидеры (эта роль досталась Армении), а заняла среди других стран СНГ средние позиции с показателем на 2013 г. 13,4% (для сравнения – в среднем по СНГ 13,8%)²¹.

Следствием экономического кризиса явилось и снижение реальных доходов населения, особенно в период 1990-х гг. Но постепенно с восстановлением экономики доходы населения стали расти. В Киргизии темпы роста среднемесячной номинальной заработной платы были на уровне многих других стран Содружества. Важно отметить, что, если в 2000 г. среднемесячная номинальная заработная плата практически равнялась прожиточному минимуму, то в 2014 стала превышать его в 2,5 раза (В России – в 4, в Казахстане – в 6 раз)²².

Однако, как и в 2000 г., так и в 2014-м, республика занимала по уровню оплаты труда предпоследнее место среди стран СНГ, опережая только Таджикистан. Разрыв же в этом отношении с Россией даже возрос. В 2000 г. он составлял три раза (723 руб. против 2223 руб.), а в 2014 – уже 3,7 раза (8840 руб. против 32 611 руб.)²³.

Как и во многих других постсоветских странах, в Киргизии увеличивался разрыв в доходах разных групп населения, и этот процесс в республике становился все более ощутимым. Разница в уровне доходов 20% групп наиболее и наименее обеспеченного населения, по данным официальной статистики, в 2011 г. составляла 7,3 раза, а в 2014 – 9,7. По этому показателю республика вышла на первое место среди стран Содружества²⁴. Столь серьезное имущественное расслоение крайне негативно воспринималось населением, в особенности молодежью, провоцируя ее не только на периодические протестные акции, но и на постоянные асоциальные действия. А если в процессе обогащения отдельных групп населения просматривались элементы этнического неравенства, то все это выливалось в обострение межэтнических отношений.

Таким образом, за годы перестройки экономика Киргизии претерпела существенные трансформации. Основной отраслью, как по вкладу в ВВП, так и по численности занятых, стало сельское хозяйство, второе место заняли промышленность и строительство. Среди промышленных отраслей наиболее благополучная ситуация сложилась в цветной металлургии, главным продуктом которой является золото. Добыча золота приобрела решающее значение для всей киргизской экономики.

Ограниченность ресурсов ископаемых видов топлива компенсируется в Киргизии значительным гидроэнергетическим потенциалом, электроэнергетика практически сохранила уровень выработки 1991 г. и стала одной из важнейших статей национального экспорта.

Среди направлений, определенных в Киргизии в качестве приоритетных для иностранных инвестиций, фигурируют, помимо связанных с сырьевыми отраслями, информационные технологии, туризм, сервисные отрасли (транспорт, банки, гостиничный бизнес и т.п.).

Изменения в трудовой занятости русских в постсоветский период. После суверенизации Киргизии начались кардинальные политические, экономические и социально-культурные реформы, в результате которых характер трудовой деятельности местных русских, их отраслевой и социально-профессиональный состав пре-

терпели существенные изменения. Перемены во многом были вызваны и миграционными, и этнополитическими факторами.

Прежде всего важно отметить, что русские, живущие в Киргизии, отличающейся выраженной этнической трудовой специализацией, пострадали от промышленного спада более серьезно, нежели киргизы, в силу большей массовости их промышленно-производственных кадров. По сравнению с 1989 г., относительная численность среди русского занятого населения работников индустриальных отраслей снизилась более чем вдвое²⁵.

В то же время роль русских в индустриальном развитии республики повысилась, т.к. процесс деиндустриализации у киргизов был еще катастрофичнее. Хотя общий объем промышленных кадров у русских сократился, их позиции в ряде индустриальных отраслей укрепились за счет активного перехода части работников киргизской национальности в другие более престижные, с их точки зрения, и доходные сферы деятельности, куда доступ русским в силу этноязыковых ограничений был затруднен, особенно в 1990-е гг. Представительство русских выросло в таких ставших приоритетными в последние годы отраслях промышленности, как энергетическая и топливная, цветная металлургия. Русские кадры сохранили свое пропорциональное присутствие в составе работников предприятий строительства и связи, железнодорожных и авиа- перевозок и т.п.

Росла среди русских и доля занятых в отраслях торговли и обслуживания, которые в постсоветский период начали разрастаться во всех бывших союзных республиках небывалыми темпами. Здесь интересы титульных этносов и русских столкнулись достаточно жестко, ведь именно торговля в то время давала людям хоть какую-то возможность заработать. В Киргизии доля киргизов, работающих в торговле и обслуживании, среди всего занятого киргизского населения возросла за 1990-е гг. почти вчетверо, доля русских – вдвое.

Продолжала развиваться тенденция, сформировавшаяся еще накануне распада Союза, к снижению занятости русских в таких важных секторах экономики, как просвещение, наука, культура, здравоохранение, управление. Но, если в годы советской власти этот процесс был во многом обусловлен образовательным и профессиональным ростом лиц титульной национальности, то в постсоветский период он был в немалой степени порожден языковыми и этнополитическими факторами. Значительную роль, например, сыграли законы о государственном языке, которым был объявлен киргизский, и который русские не знали и поэтому не могли соответствовать новым кадровым требованиям.

В наибольшей мере политика «выдавливания» работников русской национальности затронула сферу управления, что вполне понятно, т.к. основной целью процесса этнической мобилизации во всех бывших союзных республиках была передача власти в руки представителей титульного народа. По данным переписи городского населения 1999 г., в сфере государственного управления Киргизии среди всех городских киргизов работало около 11%, а среди местных русских – лишь 0,6%.

В то же время русские довольно активно потянулись в финансовый сектор. Следует заметить, что в прошлые годы такие профессии как экономисты, бухгалтеры, статистики, были широко распространены среди русского населения. В пореформенный период это помогло многим занять те или иные должности в довольно прибыльной сфере банковских услуг, операций с недвижимостью, в туристическом бизнесе и т.п.

Таким образом, в начале нового века в составе русского городского населения Киргизии еще оставались более или менее массовыми слои производственной интеллигенции, служащих, квалифицированных рабочих. Тем не менее, при сохранении на уровне конца прошлого века доли всех работников умственного труда и квалифицированных рабочих относительная численность специалистов и руководителей, выросшая у киргизов, у русских стала снижаться. Помимо прочих факторов этому способствовал и массовый отъезд из республики после ее суверенизации высококвалифицированных кадров в трудоспособном возрасте, которые могли рассчитывать на успешное трудоустройство за пределами страны.

Серьезное влияние на социально-экономический статус русского населения Киргизии оказали рыночные реформы. В начальный период реформирования русские настороженно относились к преобразованиям, осуществляемым руководством страны, состоявшим преимущественно из киргизов. Лишь к середине 1990-х гг., когда начался переход к денежной приватизации, и стала практиковаться продажа и покупка собственности, часть русского населения, имевшая определенные накопления, получила к ней относительно широкий доступ. Данные статистики и этносоциологических опросов показали примерно равный уровень включенности в предпринимательскую деятельность русских и киргизов²⁶. Сравнительно широкое участие русских, в т.ч. русской молодежи в предпринимательстве, в частных структурах весьма позитивно сказались на социально-экономическом положении русского населения, возможности адаптации его представителей к новым условиям жизни в пореформенной Киргизии.

В целом можно сказать, что после суверенизации Киргизии самым серьезным испытанием для местных русских стал кризис в промышленном производстве и почти полное устранение их от сферы управления. Тем не менее, в возрождающейся в новых условиях индустрии роль русских повысилась. Нельзя не отметить и то, что русские «вошли» в период реформ с большим материальным багажом, нежели киргизы, в силу занятости в годы советской власти в более высокооплачиваемых отраслях.

Можно даже сказать, что, будучи потомственными горожанами, имея в своем составе немалую когорту опытных хозяйственных руководителей и производственных специалистов, в т.ч. экономистов, бухгалтеров, работников сервисной службы, информационных систем, высококвалифицированных рабочих, русские имели довольно приличные шансы стать востребованными новой экономикой, в отличие от киргизов, «обремененных» солидной долей сельскохозяйственного населения и производственной интеллигенции.

Нельзя не отметить и то, что в первом десятилетии нового века стала меняться этнополитическая ситуация в Киргизии. В силу решения многих вопросов этнической мобилизации, отъезда из республики наиболее активных слоев русского населения, необходимость в жестком давлении на русских в социально-экономической и политической сферах отпала. Русский язык и русская культура получили большую свободу. Кроме того, из-за сложившегося в республике за годы советской власти межэтнического разделения труда массовая миграция русских привела к «оголению» многих важных производственных участков, что болезненно ощутила республиканская экономика.

Руководство республики и многие национальные политические и общественные деятели перешли от политики, разжигающей антагонизм между титульным и русским населением, проповедующей приоритет титульного народа во всех сферах жизни, к пропаганде межэтнической интеграции, идее главенства гражданской идентичности над этнической. Принципиально важно, что перепись населения Киргизии 2009 г. зафиксировала рост социально-культурных показателей не только у киргизов, но и у русских. Согласно данным статистики, с 1989 по 2009 гг. доля людей с высшим профессиональным образованием в составе местного русского населения возросла с 12 до 17%²⁷. Все это способствовало повышению возможностей русских, в т.ч. русской молодежи вписаться в трудовую жизнь республики, занять в ней достойное место, повысить материальный уровень и социальные позиции.

Социально-экономические характеристики русской молодежи Киргизии

Занятость и материальное положение. По наблюдениям многих исследователей, в традициях населения Киргизии было распространено привлечение детей и молодежи к труду. Авторы книги «Население Кыргызстана в начале XXI в.» (Бишкек, 2011) отмечали, что в республике широко востребован детский труд, среди школьников 7–17 лет почти половина были вынуждены совмещать учебу с экономически активной деятельностью (в основном за еду и одежду) и работой по дому²⁸. После суверенизации республики в условиях экономического спада молодежный труд приобрел особую значимость, в т.ч. и в русских семьях. Если в советской Киргизии сравнительно высокие доходы немалой части русских горожан позволяли их детям начинать свой трудовой путь только после окончания учебного заведения и получения профессии, то в новой реальности многим русским юношам и девушкам пришлось включаться в трудовую жизнь значительно раньше. Это четко зафиксировали материалы этносоциологических исследований 1999 и 2014 гг.

Если в 1999 г. еще 68% молодых людей (16–30 лет) русской национальности (городское население) проживали на средства родственников (родителей), то в 2014 г. таких стало вдвое меньше – 32%. Доля же живущих исключительно на собственную зарплату или стипендию среди школьников старших классов и студентов старших курсов вузов выросла с 5% до четверти. Примерно каждый десятый имел теперь несколько источников дохода. Не учились и не работали всего 10% опрошенных, в основном это были молодые мамы с детьми.

Таблица 10

Оценка возможностей семейного бюджета (% , 1999, 2014 гг.)*

Варианты ответа	В целом по массиву		2014 г. Возраст		
	1999 г.	2014 г.	16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Имеют возможность ни в чем себе не отказывать	19	23	31	24	14
Есть накопления, но крупные покупки недоступны	25	40	41	35	42
Средств хватает только на питание и предметы первой необходимости	36	27	22	28	31
Хватает только на питание	4	2	1	3	1
Не хватает даже на питание	6	2	2	1	3
Затруднились ответить	10	6	3	9	9
Итого	100	100	100	100	100

* Таблица составлена по материалам опросов русской городской молодежи 1999 и 2014 гг.

Рост трудовой активности русской молодежи в условиях определенных экономических сдвигов в республике последних лет позитивно отразился на ее материальном положении, о чем достаточно красноречиво свидетельствуют данные таблицы 10.

Тенденцию к росту материального достатка русских можно назвать принципиально значимым процессом. Так, за 15 лет (в сравнении с данными аналогичного исследования 1999 г.) доля молодежи из более или менее обеспеченных семей (по их самооценкам) выросла в полтора раза, а из бедных – сократилась вчетверо. На фоне в целом невысокого экономического развития республики материальное благосостояние семей русской городской молодежи во втором десятилетии нового века выглядело сравнительно благополучным. Согласно оценкам семейного бюджета, более 60% респондентов имели достаточно высокие материальные возможности: могли позволить или ни в чем себе не отказывать, или приобретать все, кроме наиболее дорогих покупок. В то же время доля наименее обеспеченных – тех, кто пожаловался на нехватку средств на питание, оказалась равной всего 2%.

Надо, однако, отметить, что более позитивные оценки своему бюджету, как в прошлом, так и сейчас, давали лица младшего возраста, многие из которых еще жили с родителями, в то время как у 26–30-летних уровень жизни, по их оценкам, несколько снижался. Доля тех, кто мог позволить себе любые или почти любые траты, среди 16–20 летних оказалась несколько выше, чем среди тех, кому было от 26 до 30.

Понятно, что и высокий социальный статус, и значительные доходы человек приобретает в процессе своей трудовой деятельности в течение определенного времени. Как видно, этот период для русской молодежи не был коротким. Те молодые люди, которые уже сами вступили на трудовой путь, оторвались от родительской

семьи, еще не могли похвастаться особыми размерами своего кошелька. Однако и среди них соотношение групп с относительно высокими (могли позволить себе все или почти все приобретения) и низкими доходами (денег хватало только на еду или не доставало даже на питание) выглядело явно в пользу первых: 56% против 4%. И в этом был заметен явный прогресс по сравнению с 90-ми годами, когда подобное соотношение выглядело как 26% к 15%.

Анализируя оценки русской молодежи возможностей своего бюджета, следует иметь в виду, что подобные субъективные мнения в немалой мере зависят не только от реального достатка человека, но и от уровня его запросов и потребностей. Однако выводы об относительном материальном благополучии молодых русских горожан Киргизии, сделанные на основе их самооценок, были подтверждены информацией, рисующей более объективную картину условий жизни русских: о наличии в их семьях недвижимого имущества, предметов домашнего обихода, современной электронной техники, а также об их жилищных условиях.

80% опрошенных русских юношей и девушек проживали в отдельных квартирах или домах, причем у 70% это жилье было в собственности. Около 40% являлись владельцами дач, садово-огородных участков, подсобного хозяйства. Помимо стиральных машин, холодильников, телевизоров, имевшихся практически у всех, значительная часть респондентов владела автомобилями (60% импортного производства и треть – отечественного), более 60% – мобильными телефонами, почти 60% – компьютерами, половина – смартфонами, более трети – плазменными телевизорами, четверть – планшетными компьютерами. Среди респондентов не оказалось никого, кто бы не имел хотя бы одного из перечисленных современных технических средств.

Не удивительно, что в этих условиях многие представители русской городской молодежи были в той или иной мере довольны своим материальным положением и жилищными условиями (табл. 11).

Таблица 11

Удовлетворенность материальным положением (% , 2014 г.)*

Варианты ответа	В целом по массе	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Полностью удовлетворены	18	26	17	10
Скорее удовлетворены	26	25	25	28
Скорее не удовлетворены	24	18	28	26
Полностью не удовлетворены	13	5	11	24
Затруднились ответить	9	9	8	9
Не ответили	10	17	11	3
Итого	100	100	100	100

* Таблица составлена по материалам опроса русской городской молодежи 2014 г.

Доля позитивных ответов перевешивала долю негативных, особенно среди молодых людей в возрасте 16–20 лет. Только в старшей возрастной группе молодежи (26–30 лет) соотношение было обратным, но и здесь относительная численность более или менее удовлетворенных материальным достатком составляла почти 40%, а жилищными условиями – более 60%.

Образование. Социальный статус. Социальные планы. Если в экономическом отношении русская молодежь Киргизии выглядела более или менее достойно, то в социально-профессиональном плане картина была менее утешительной. Правда, высшее образование после падения его престижа в 90-е гг. вновь обрело свою привлекательность. На продолжение образования, по данным нашего исследования 2014 г., было ориентировано более 80% русских школьников. Если среди респондентов в возрасте 26–30 лет лиц с высшим образованием насчитывалось чуть больше половины, то среди 21–25-летних – уже 60%.

Руководство Киргизии уделяет сейчас довольно большое внимание развитию образовательной системы в республике, в которой функционируют, помимо республиканских, 8 межгосударственных ВУЗов, в т.ч. Кыргызско-Российский (Славянский) университет, Кыргызско-Российская академия образования, служащие важным социальным лифтом для русской молодежи. В последние годы получить образование на русском языке уже перестало быть неразрешимой проблемой в республике. Согласно опросу, только 13% представителей русской городской молодежи позиционировали вопрос обеспечения бесплатного образования на русском языке в школах и вузах Киргизии как достаточно важный.

Тем не менее, среди молодых людей русской национальности многие были ориентированы на российские образовательные учреждения, в особенности 16–20-летние (более трети), в то время как на учебу в Киргизии – почти вдвое меньше. Но все же такие пророссийские ориентации стали носить менее массовый характер, чем это было в конце 1990-х гг., когда учиться в России высказали желание 40% школьников и студентов. Теперь в образовательных предпочтениях русской молодежи все чаще стали фигурировать ВУЗы Европы и США.

К сожалению, в последние десятилетия в Киргизии (и не только в ней) сложилась ситуация, при которой высокий образовательный уровень не служил гарантом получения престижной высокооплачиваемой работы, солидного социального статуса, особенно для представителей иноэтничного, в т.ч. русского населения. Как показало исследование, в составе русской городской работающей молодежи сформировалась довольно весомая группа работников мало- и неквалифицированного физического труда, составившая почти 40%. Доля таковых превысила среди занятой части русской молодежи долю специалистов, руководителей и предпринимателей почти в полтора раза.

Появилась тенденция к снижению социально-профессионального статуса молодых людей русской национальности по сравнению с их родителями, что было совершенно не характерно для советского периода, когда у представителей подав-

ляющего большинства народов дети были более образованными и социально продвинутыми, чем старшее поколение. По данным опроса 2014 г., среди отцов работающей молодежи специалисты, руководители и предприниматели насчитывали свыше 40%, а среди детей (т.е. наших респондентов) – менее 30%, доля же занятых мало- и неквалифицированным физическим трудом у последних оказалась намного выше, чем у их родителей (40% против 10%).

Причины подобного явления лежат, на наш взгляд, с одной стороны, в несколько замедленном социальном росте русских, что во многом связано с их статусом этнического меньшинства, и значительной конкуренцией за социально продвинутые места с представителями титульной национальности. С другой, – в определенном падении престижа многих профессий высококвалифицированного умственного труда, которые еще не так давно котировались достаточно высоко, но в силу резкого снижения уровня их оплаты перестали интересовать немалую часть молодых людей, стремящихся к быстрому и высокому заработку. Показательно, что при этом большинство русских юношей и девушек устраивает их нынешняя работа, доля удовлетворенных ею более чем вдвое превышает долю неудовлетворенных.

Молодые люди стали переориентироваться и в своих профессиональных выборах. Если еще не так давно в структуре их профессионально-отраслевых предпочтений лидировали сферы финансов, юриспруденции, образования, медицины, науки, то в настоящее время для 16–20-летних русских, определяющихся с будущей трудовой судьбой, наиболее привлекательной оказалась сфера управления (21% против 15% в 1999 г.). Отрасли образования, медицины, науки, культуры, юриспруденции, заметно растерявшие своих приверженцев (17% против 35%), тем не менее заняли второе место. К ним по числу выборов приблизились индустриальные сферы, практически не интересовавшие русскую молодежь 15 лет назад (16% против 3% в 1999 г.), торговля и бытовое обслуживание (13% против 9%). Доля желающих работать в финансово-кредитной сфере снизилась с 26% в 1999 г. до 9% в 2014.

Рост ориентаций русской молодежи на отрасли индустрии и сферу обслуживания в целом находится в русле запросов республиканской экономики. Однако обращает на себя внимание тот факт, что весьма значительная часть опрошенных студентов и работающих не ответили на вопрос о наиболее привлекательных для себя сферах деятельности. Это может говорить о том, что молодежи в принципе безразлично, где работать, лишь бы получать приличный заработок, а также об отсутствии на местном рынке труда достаточного числа вакансий для выбора.

Некоторые изменения произошли и в социальных планах русской молодежи, свидетельствующие о снижении социальных амбиций русских (табл. 12).

Прежде всего следует отметить ослабление надежд русских юношей и девушек на занятие государственных постов в высших органах власти (6% против 15% выборов в 1999 г.). Мало кто хотел бы стать мэром города, губернатором. Даже быть директором предприятия, банка, фирмы высказали желание лишь 13% (в ос-

новном 21–25-летние), в то время как в конце 1990-х гг. таких было 40%. Сделать карьеру в науке намеревались еще реже: 4% против 9% в 1999 г. В то же время около 30% предпочли работу обычного специалиста (в разных хозяйственных отраслях, в т.ч. в сфере управления), что было несколько больше, чем в конце 1990-х. Многие были бы не прочь занять должность клерка, чиновника невысокого ранга, офисного работника. Пятая часть респондентов выбрала предпринимательскую деятельность, что также было выше показателей 1999 г. Этот вариант ответа по числу выборов занял второе место.

Таблица 12

Социальные планы, профессиональные ориентации (%)*

Варианты ответа	В целом по мас-сиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Хотел бы стать руководителем самого высокого ранга (министром, депутатом парламента, членом правительства, президентом)	6	10	8	–
Хотел бы стать мэром какого-нибудь города, губернатором	5	8	6	–
Хотел бы стать директором предприятия, банка, фирмы	13	15	21	5
Хотел бы получить ученую степень, стать академиком	4	5	7	1
Хотел бы стать предпринимателем	20	10	19	31
Хотел бы стать высококвалифицированным специалистом	29	25	33	28
Хотел бы стать высококвалифицированным рабочим	6	5	4	10
Хотел бы стать богатым человеком и не работать	11	13	11	10
Ничего из перечисленного меня не привлекает	7	9	3	9
Затрудняюсь ответить	9	10	4	12
Не ответили	–	–	–	–
<i>Итого не составляет 100%, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа на данный вопрос.</i>				

* Таблица составлена по материалам опроса русской городской молодежи 2014 г.

Особо хотелось бы отметить, что рабочие профессии, даже квалифицированные привлекли менее 10% респондентов, в то время как в реальной жизни на подобных работах трудилось вчетверо больше молодых людей. Можно предположить, что для части занятых мало- и неквалифицированным физическим трудом, эта работа рассматривалась как временная и именно в качестве таковой их устраивала.

На то, что социальные планы русской молодежи становятся скромнее, повлияли многие факторы – и экономические, и миграционные, и демографические. Не последнюю роль играет и этнополитическая ситуация в республике, в т.ч. местная кадровая политика с гласными или негласными преимуществами представителям титульного народа, пронизывающие всю вертикаль власти кумовство и местничество.

По мнению 45% респондентов (опрос 2014 г.), киргизы имеют сейчас больше возможностей продвинуться по службе, а 54% отметили более высокие шансы

представителей титульного народа занять руководящую должность. Нельзя не признать, что это довольно солидные показатели, но величина их все же несколько снизилась по сравнению с 1999 г., когда они составляли соответственно 56 и 65%.

О некотором укреплении социального оптимизма русской молодежи говорят и ответы ее представителей на вопрос об этническом неравенстве в сфере предпринимательства. Хотя и в этом случае доля жалоб была равна 25%, прогресс за прошедшие 15 лет очевиден – в 1999 г. доля недовольных приоритетными позициями киргизов в сфере предпринимательской деятельности составляла около 40%, т.е. была выше более чем в полтора раза.

Показательны также довольно позитивные представления молодых людей о возможностях осуществления их социальных планов. Хотя эти планы оказались менее претенциозными, чем 15 лет назад, у молодежи появилось больше уверенности в их успешной реализации. Полную убежденность в том, что их планы осуществятся, высказали 36% респондентов, а полностью сомневающихся оказалось только 9%, в 1999 г. это соотношение выглядело как 20% против 14. Важно, что молодежь стала чаще полагаться на собственные силы и меньше ссылаться на окружающие условия. Доля респондентов, отметивших, что осуществление их жизненных планов зависит только от них самих, выросла с 38 до 47%, а ссылающихся на обстоятельства снизилась с 36 до 19%. Вполне понятно, что молодые люди постарше, накопившие определенный жизненный опыт, смотрят в будущее с меньшим оптимизмом, но и среди 26–30-летних лишь каждый десятый был настроен полностью пессимистично в отношении возможности успешной реализации своих социальных планов.

Все это свидетельствует о том, что русская молодежь Киргизии стала чувствовать себя в республике более уверенно, стала тверже «стоять на ногах». И дело здесь, на наш взгляд, не только в снижении социальных претензий русских юношей и девушек, но и в смягчении условий жизни в республике для местного русского населения, а также в разработке русскими новых стратегий социально-экономического роста.

Хотя такое традиционное средство социальной мобильности, как обучение в высших учебных заведениях, для многих остается приоритетным, русская молодежь активно пользуется и другими методами для социального роста и повышения заработка, в т.ч., овладевая трудовыми навыками, отвечающими запросам современной экономической жизни (табл. 13). В первую очередь, это касается умения пользоваться современными электронными устройствами, средствами связи, водить машину, знать европейский язык (помимо русского), уметь работать с клиентами и т. п.

Среди респондентов была выявлена лишь весьма небольшая доля людей, не владеющих хотя бы одним из перечисленных навыков. Особенно массовый характер приобрело использование компьютеров, смартфонов при исполнении своих служебных обязанностей, во время учебы. Немалая часть русской молодежи назва-

Таблица 13

Владение навыками, нужными в современной трудовой жизни (%)*

Варианты ответа:	В целом по массиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Хорошее знание иностранного языка	17	11	24	18
Умение уверенно пользоваться компьютером и Интернетом	49	56	50	41
Умение пользоваться планшетным компьютером, смартфоном	35	32	44	30
Умение водить машину	33	26	47	28
Умение контактировать с людьми, быть коммуникабельным	46	42	49	47
Умение добиваться поставленной цели, быть мобильным	37	35	43	35
Ничем из перечисленного не владеют	1	1	0	1
Не ответили	3	2	1	6
<i>Итого не составляет 100%, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа на данный вопрос</i>				

* Таблица составлена по материалам опроса русской городской молодежи 2014 г.

ла одним из своих полезных навыков умение общаться с людьми, в т.ч. с клиентами, что особенно важно для работников сервисных служб, в которых были заняты многие молодые люди русской национальности. И это особенно показательно, учитывая, что большинство их клиентов – киргизы.

Важна позитивная ориентация русской молодежи на работу в условиях рыночной экономики. Хотя большинство продолжает привлекать работа по найму, более трети предпочли бы работать «на себя», что соответствует нынешним социально-экономическим условиям (табл. 14).

Таблица 14

Ориентация на работу по найму и «на себя» (%)*

Варианты ответа	В целом по массиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Работа по найму	41	49	38	36
Работа «на себя»	35	32	42	33
Затруднились ответить	21	16	19	27
Не ответили	3	3	1	4
Итого	100	100	100	100

* Таблица составлена по материалам опроса русской городской молодежи 2014 г.

Не удивительно, что для многих оказалось безразличным, в какой стране будет проходить их трудовая деятельность. По представлениям многих, они смогут чувствовать себя достаточно уверенно в трудовой сфере не только Киргизии, но и других стран, в т.ч. России.

Огромное значение для успешного осуществления русскими юношами и девушками Киргизии своих социальных планов, укрепления их социального оптимизма имеет широкое

распространение в последние годы в городской, особенно столичной среде республики русского языка, возможность пользоваться русским языком как в сфере образования, так и в сфере труда, иметь доступ к русскоязычным источникам, необходимым для повышения образования и квалификации, а также преимущественно благоприятное отношение к русским со стороны местного киргизского населения.

РАЗДЕЛ 3. ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ АСПЕКТЫ ЖИЗНИ РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ

Русская молодежь в системе межэтнического взаимодействия

Оценка межнациональной ситуации в республике. В конце 1980-х гг., когда по всей стране начали вспыхивать межнациональные конфликты и резко усилился отток русских из ряда союзных республик, обнажились и стали наиболее рельефно проявляться те сложные социально-этнические противоречия, которые зародились и начали развиваться еще в предыдущие десятилетия. К началу 1990-х гг. обозначился ряд новых факторов – политических, социально-экономических, культурно-языковых, психологических – провоцирующих дальнейшее ухудшение положения русских. В качестве одного из важнейших встала проблема определенного ущемления прав и интересов русских, резкое усиление межнациональной напряженности. По данным проведенного нами в 1993 г. в Киргизии этносоциологического исследования, русские отмечали изменения, произошедшие в межнациональных отношениях в республике в течение последних лет. Так, ухудшение межнациональных отношений на уровне власти отметили 47,6% русских горожан и 64,7% русских в сельской местности. Видимо, не случайно сельские жители более остро, чем горожане чувствовали на себе это изменение отношений, ибо от властей местного уровня, от «маленького» начальника, в первую очередь, зависит благополучие и экономическое благосостояние сельчан. В 1992 г. в Киргизии был принят закон о местном самоуправлении: на всех уровнях управления был создан институт *акимов*. Акимы – это главы местной администрации, несущие личную ответственность за положение дел на вверенных им территориях. Как свидетельствовала киргизская пресса, претворение в жизнь закона об акимате на деле повлекло за собой злоупотребление властью и забвение интересов простых людей, усилилось местничество, коррупция, некомпетентность управления⁸. На все эти негативные явления наслаивался и национальный момент, ибо русские не могли претендовать на места в административном руководстве из-за незнания языка титульной национальности.

Ухудшение межнациональных отношений в повседневной, обыденной жизни почувствовали 56,3% русских в городе и 42,2% русских сельчан. Пессимистично оценивали русские и перспективы развития этих отношений в будущем: надеялись на их улучшение 18,2% горожан и лишь 6,7% сельских жителей, предвидели дальнейшее их ухудшение 33,9% русских в городе и 56,7% – в селе.

Согласно материалам этносоциологических исследований, проведенных среди русской молодежи Киргизии в 1999 и 2014 гг., оценки межнациональных отно-

шений в республике со временем стали более позитивными. Так, в 1999 г. только четверть опрошенных молодых русских оценила их как нормальные, спокойные. 15 лет спустя, в 2014 г., уже около трети опрошенных русских молодых людей оценили межнациональные отношения в Киргизии как нормальные и спокойные, еще 20% респондентов заявили, что отношения спокойные, но люди предпочитают общаться преимущественно с людьми своей национальности, боясь возможных конфликтов на национальной почве (табл. 15).

Таблица 15

Оценка межнациональных отношений в Бишкеке (%)

Варианты ответа:	В целом по мас-сиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Отношения нормальные, спокойные	31,1	33,0	27,8	32,1
Отношения спокойные, но люди общаются преимущественно с представителями своей национальности	18,5	22,7	13,9	17,9
В целом нормальные, но временами ухудшаются	28,6	30,7	31,9	23,1
Отношения напряженные, имеются конфликты на национальной почве	8,8	2,3	13,9	11,5
Другое	0,4	–	–	1,3
Затрудняюсь ответить	8,8	10,2	6,9	9,0
Не ответили	3,8	1,1	5,6	5,1
Итого	100	100	100	100

Напряженными межнациональные отношения в Киргизии в 1999 г. назвали 14% русских респондентов, а в 2014 г. – лишь 9. Кроме того, пятнадцать лет назад более половины опрошенных русских (54%) оценили межэтническую ситуацию как нормальную, но порой ухудшающуюся, а в 2014 г. такого мнения придерживалось лишь 29% респондентов. Таким образом, в конце 1990-х гг. более 2/3 опрошенной русской молодежной когорты в той или иной мере ощущали межнациональную напряженность в том районе Киргизии, где они живут, а в настоящее время аналогичная группа молодежи составляет лишь 40%, хотя и этот показатель нельзя назвать низким.

При анализе мнений русской молодежи Киргизии о перспективах развития межнациональных отношений в стране, становится очевидной динамика позитивной настроенности молодых людей: если в 1999 г. только 21% опрошенных надеялись на улучшение межэтнической ситуации в республике, то к 2014 г. эта группа возросла до 36% (табл. 16).

Существенно уменьшилась среди русской молодежи и доля тех, кто прогнозирует негативный сценарий развития межэтнических отношений: с 27% в 1999 г. до 17% в 2014 г. Вместе с тем, отчетливо проявлялась в предыдущем и нынешнем исследовании тенденция увеличения с возрастом негативных оценок перспективы развития межнациональных отношений.

Таблица 16

**Перспективы развития межэтнических отношений в Бишкеке
 в ближайшие 10 лет (%)**

Варианты ответа:	В целом по массиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Ситуация значительно улучшится, будут усиливаться дружеские отношения людей разной этнической принадлежности, исчезнут недоверие и конфликты	16,0	26,1	9,7	10,3
Ситуация улучшится, но незначительно: этнические различия перестанут быть источником напряженности, но сохранится обособленность этнических групп	27,3	27,3	29,2	25,6
Ситуация не изменится	16,4	15,9	22,2	11,5
Ситуация ухудшится, но не значительно, межэтнические различия будут оставаться источником напряженности	5,9	4,5	5,6	7,7
Ситуация значительно ухудшится, межэтническая напряженность приобретет политический характер и форму конфликтности (или вытеснения одной из этнических групп)	8,0	5,7	9,7	9,0
Затрудняюсь ответить	21,8	15,9	19,4	30,8
Другое	2,1	3,4	–	2,6
Не ответили	2,5	1,2	4,2	2,5
Итого	100	100	100	100

Факторы межэтнической напряженности и меры ее профилактики. Говоря о сегодняшних причинах межнациональной напряженности в республике, русская молодежь выделяет в качестве главного фактора «недостаток воспитания и культуры населения» (35%). Гораздо меньшее влияние на межэтническую ситуацию в стране, по мнению русских, оказывают различия в культуре, религии и менталитете людей разных национальностей (12%), а также несовместимые нормы и правила поведения людей разной этнической принадлежности (12%). В качестве одной из причин межнациональной напряженности каждый десятый русский назвал различия в уровне жизни людей разной национальности (11%). Незнание киргизского языка людьми других национальностей, а также незнание национальной культуры и обычаев киргизов назвали в качестве причин межнациональной напряженности в совокупности около 7% опрошенных русских (табл. 17).

Среди факторов, способствующих сохранению в Киргизии определенной межнациональной напряженности, в качестве основных русская молодежь отметила конкуренцию за рабочие места (23%), конкуренцию за землю (13%) и вызывающие формы бытового повседневного поведения молодежи (16%) (табл. 18).

Несколько меньшую, но все же значительную роль в сохранении межэтнической напряженности в стране русская молодежь отвела агрессивности в межгрупповых отношениях (13%) и доминированию какой-либо этнической группы в определенных сферах занятости (10%).

Таблица 17

Представления респондентов о причинах межнациональной напряженности в Киргизии (%)

Варианты ответа:	В целом по массиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Ошибки в проведении национальной политики в советское время	8,8	11,4	6,9	9,0
Несовместимые нормы и правила поведения людей разной этнической принадлежности	11,8	18,2	6,9	9,0
Недостаток воспитания, культуры населения	35,3	26,1	43,1	38,5
Различия в уровне жизни людей разных национальностей	10,5	9,1	11,1	11,5
Различия в культуре, религии, менталитете людей разных национальностей	12,2	6,8	19,4	11,5
Незнание людьми других национальностей культуры и обычаев киргизов	5,5	10,2	4,2	1,3
Незнание людьми других национальностей киргизского языка	1,7	3,4	1,4	–
Другое (что именно)	1,3	1,1	–	2,6
Затрудняюсь ответить	24,8	26,1	25,0	23,1
Не ответили	3,8	2,3	5,6	3,8
<i>Сумма ответов по столбцу превышает 100%, т. к. респондент мог выбрать несколько вариантов ответа на данный вопрос.</i>				

Таблица 18

Факторы, способствующие сохранению межэтнической напряженности в настоящее время (%)

Варианты ответа:	В целом по массиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Конкуренция (соперничество) за землю	13,4	13,6	12,5	14,1
Конкуренция за рабочие места	22,7	23,9	26,4	17,9
Вызывающие формы бытового повседневного поведения молодежи	16,4	18,2	18,1	12,8
Требование представителей некоторых этнических групп предоставления особых прав и льгот	9,7	9,1	6,9	12,8
Доминирование какой-либо этнической группы в определенных сферах занятости	10,1	8,0	13,9	9,0
Агрессивность в межгрупповых отношениях, конфликтное поведение	13,0	13,6	13,9	11,5
Показное благосостояние представителей некоторых этнических групп	3,4	–	2,8	7,7
Проблема регистрации приезжающих	3,8	1,1	4,2	6,4
Усиление криминогенной обстановки (преступность, наркотики и т.п.)	5,9	3,4	5,6	9,0
Быстрый рост численности других малых этнических групп	4,2	4,5	2,8	5,1
Активный рост численности сельских мигрантов	8,8	5,7	9,7	11,5
Конфликты в приграничных районах	9,7	3,4	12,5	14,1
Ошибки в работе правоохранительных органов	5,9	2,3	8,3	7,7

Таблица 18 (продолжение)

Варианты ответа:	В целом по массиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Недостаточное внимание вопросам межэтнических отношений органов власти	8,0	4,5	8,3	11,5
Недостаточный опыт и компетентность официальных работников в регулировании проблем межэтнических отношений	7,6	5,7	6,9	10,3
Другое (укажите, что именно)	3,4	1,1	4,2	5,1
Затрудняюсь ответить	26,5	25,0	26,4	28,2
Не ответили	3,4	2,3	5,6	2,6
Сумма ответов по столбцу превышает 100%, т. к. респондент мог выбрать несколько вариантов ответа на данный вопрос.				

Оценивая деятельность различных социальных институтов в сфере профилактики межэтнической напряженности в Киргизии, русская молодежь была весьма критична. Так, деятельность областной власти она оценивает как малоэффективную (27%) и неэффективную (23%) (табл. 19). Деятельность местной власти русская молодежь оценивает еще более негативно, признавая ее малоэффективной (31%) и неэффективной (21%) в сфере профилактики межэтнической напряженности в стране (табл. 20).

Таблица 19

Оценка деятельности областной власти в сфере профилактики межэтнической напряженности (%)

Варианты ответа	В целом по массиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Эффективна	10,1	11,4	12,5	6,4
Малоэффективна	26,5	26,1	25,0	28,2
Неэффективна	22,7	19,3	23,6	25,6
Не ответили	40,7	43,2	38,9	39,8
Итого	100	100	100	100

Таблица 20

Оценка деятельности местной власти в сфере профилактики межэтнической напряженности (%)

Варианты ответа:	В целом по массиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Эффективна	9,2	12,5	9,7	5,1
Малоэффективна	31,1	28,4	34,7	30,8
Неэффективна	21,4	18,2	20,8	25,6
Не ответили	38,3	40,9	34,8	38,5
Итого	100	100	100	100

Столь же негативна оценка русской молодежью деятельности правоохранительных органов и руководителей государственных учреждений: ее признали малоэффективной соответственно 27% и 29% опрошенных, а неэффективной еще 25% и 23% респондентов соответственно (табл. 21, 22).

Таблица 21

Оценка деятельности правоохранительных учреждений в сфере профилактики межэтнической напряжённости (%)

Варианты ответа:	В целом по массиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Эффективна	8,4	8,0	6,9	10,3
Малозффективна	26,9	29,5	26,4	24,4
Неэффективна	25,2	20,5	29,2	26,9
Не ответили	39,5	42,0	37,5	38,4
Итого	100	100	100	100

Таблица 22

Оценка деятельности руководителей государственных учреждений в сфере профилактики межэтнической напряжённости (%)

Варианты ответа:	В целом по массиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Эффективна	7,6	6,8	8,3	7,7
Малозффективна	29,4	27,3	29,2	32,1
Неэффективна	23,1	25,0	25,0	19,2
Не ответили	39,9	40,9	37,5	41,0
Итого	100	100	100	100

По мнению русской молодежи, более действенной в сфере профилактики межэтнической напряженности в стране является работа общеобразовательных учреждений, деятельность лидеров национальных диаспор и особенно средств массовой информации, которую признали эффективной почти 20% русских (табл. 23, 24, 25).

Таблица 23

Оценка деятельности общеобразовательных учреждений в сфере профилактики межэтнической напряжённости (%)

Варианты ответа	В целом по массиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Эффективна	12,2	10,2	13,9	12,8
Малозффективна	34,0	33,0	34,7	34,6
Неэффективна	14,7	15,9	16,7	11,6
Не ответили	39,1	40,9	34,7	41,0
Итого	100	100	100	100

Таблица 24

Оценка деятельности лидеров диаспор в сфере профилактики межэтнической напряжённости (%)

Варианты ответа:	В целом по массиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Эффективна	13,9	10,2	19,4	12,8
Малозффективна	29,4	30,7	26,4	30,8
Неэффективна	16,8	15,9	19,4	15,4
Не ответили	39,9	43,2	34,8	41,0
Итого	100	100	100	100

Таблица 25

Оценка деятельности СМИ в сфере профилактики межэтнической напряжённости (%)

Варианты ответа:	В целом по массиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Эффективна	18,5	21,6	16,7	16,7
Малозффективна	31,1	25,0	33,3	35,9
Неэффективна	11,8	10,2	15,3	10,3
Не ответили	38,6	43,2	34,7	37,1
Итого	100	100	100	100

Говоря о мерах, необходимых для ослабления межэтнической напряженности в стране, русская молодежь выделяет как первоочередные: реальное повышение уровня и качества жизни основной массы населения, создание рабочих мест, преодоление безработицы (63%), а также ужесточение наказаний за пропаганду идей, разжигающих межнациональную и межконфессиональную рознь (53%). Следующими по значимости мерами ослабления межэтнической напряженности русская молодежь считает усиление правового контроля за правонарушениями, ужесточение наказаний за преступления (40%) и усиление воспитательной и образовательной деятельности школ (34%). Значимыми мерами борьбы за ослабление межнациональной напряженности молодые люди русской национальности признают организацию совместной производственной и общественной деятельности представителей различных этнических групп (24%), а также активизацию информационной политики СМИ, направленной на формирование межэтнической толерантности (20%) (табл. 26, 27).

Таблица 26

**Меры, необходимые для разрешения
межэтнической напряженности (%)**

Варианты ответа:	В целом по массиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Реально повысить уровень и качество жизни основной массы населения создать рабочие места, преодолеть безработицу	63,4	54,5	65,3	71,8
Усилить правовой контроль за правонарушениями и ужесточить наказания за преступления	40,3	31,8	45,8	44,9
Организовать совместную производственную и общественную деятельности представителей различных этнических групп	24,4	23,9	20,8	28,2
Ужесточить наказание за пропаганду идей, разжигающих межконфессиональную и межэтническую рознь	52,5	38,6	61,1	60,3
Не допускать концентрированного проживания отдельных этносов в отдельных районах	8,8	11,4	6,9	7,7
Создать образовательные, правовые и экономические условия, направленные на интеграцию мигрантов в общество	12,6	13,6	12,5	11,5
Активизировать информационную политику СМИ, направленную на формирование межэтнической толерантности	19,7	19,3	20,8	19,2
Усилить образовательную и воспитательную деятельность школ	34,0	25,0	34,7	43,6
Проводить постоянную работу органов власти с диаспорами	13,4	13,6	16,7	10,3
Другое	—	—	—	—
Не ответили	5,5	5,7	6,9	3,8
<i>Сумма ответов по столбцу превышает 100%, т. к. респондент мог выбрать несколько вариантов ответа на данный вопрос.</i>				

Таблица 27

**Оценка роли межэтнических отношений в формировании
социальной напряженности (%)**

Варианты ответа:	В целом по массиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Межэтнические отношения являются определяющим источником социальной напряженности	16,8	18,2	22,2	10,3
Межэтнические отношения являются одним из источников социальной напряженности, наравне с экономическими, политическими и др. факторами	22,3	22,7	22,2	21,8
Межэтнические отношения являются вторичными по отношению к экономическим, политическим и другим факторам, определяющим социальную напряженность	19,7	17,0	19,4	23,1
Межэтнические отношения не влияют на формирование социальной напряженности	7,1	6,8	8,3	6,4
Затрудняюсь ответить	27,7	28,4	22,2	32,1
Не ответили	6,4	6,9	5,7	6,3
Итого	100	100	100	100

Таблица 28

**Отношение к радикальным молодежным
организациям, в т.ч. организованным по
национальному признаку (%)**

Варианты ответа:	В целом по мас- сиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Положительно	12,2	17,0	9,7	9,0
Скорее положи- тельно	10,5	10,2	15,3	6,4
Скорее отрица- тельно	11,8	11,4	6,9	16,7
Отрицательно	40,8	39,8	47,2	35,9
Затрудняюсь ответить	21,4	17,0	16,7	30,8
Не ответили	3,3	4,4	4,2	1,2
Итого	100	100	100	100

Вызывают определенную тревогу довольно высокие положительные оценки существования радикальных молодежных организаций, объединенных по национальному признаку. По данным проведенного в 2014 г. исследования, почти четверть русских респондентов положительно относится к подобного рода организациям, причем, чем моложе человек, тем больший удельный вес среди опрошенных занимает группа лиц с позитивным отношением к молодежным националистическим организациям (табл. 28).

Как показали материалы исследования 2014 г., русская молодежь довольно остро чувствует существующие в обществе противоречия и напряженность, связанные с межэтническими отношениями. Не случайно, на вопрос о том, между какими группами общества Киргизии существуют сейчас наибольшие противоречия, значительная часть опрошенных молодых людей ответила «между русскими и киргизами» и «между киргизами и узбеками» (соответственно 22% и 21%). Для сравнения укажем, что самые высокие

значения при ответе на данный вопрос получили оценки противоречий между богатыми и бедными (44%) и между чиновниками и простыми гражданами (28%) (табл. 29).

Таблица 29

Мнение респондентов о том, между какими группами общества сейчас существуют наибольшие противоречия в Киргизии (%)

Варианты ответа:	В целом по массиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Богатые и бедные	44,1	50,0	41,7	39,7
Русские и киргизы	22,3	28,4	18,1	19,2
Киргизы и узбеки	21,4	18,2	25,0	21,8
Олигархи и остальное общество	10,9	12,5	9,7	10,3
Чиновники и граждане	27,7	26,1	27,8	29,5
Православные и мусульмане	7,6	8,0	6,9	7,7
Молодежь и люди старшего возраста	4,6	8,0	4,2	1,3
Люди разных политических убеждений	10,5	5,7	18,1	9,0
Верующие и неверующие	4,6	3,4	5,6	5,1
Собственники предприятий и наемные рабочие	4,6	3,4	1,4	9,0
Затрудняюсь ответить	18,9	15,9	19,4	21,8
Не ответили	3,8	3,4	2,8	5,1
Сумма ответов по столбцу превышает 100%, т.к. респондент мог выбрать несколько вариантов ответа на данный вопрос.				

Межэтнические контакты в сфере труда и образования. Принципиально важно, что русская молодежь, осознавая свое не совсем равное положение в процессе социального продвижения в республике, не переносила свое недовольство на взаимоотношения с киргизами – коллегами по работе, сокурсниками, одноклассниками. Согласно опросу 2014 г., подавляющее большинство молодых людей русской национальности (около 70%) работает или учится в окружении киргизов. При этом лишь каждый десятый в той или иной мере не удовлетворен отношениями, складывающимися в трудовом (учебном) коллективе. По мнению 85% русских, национальный состав трудового коллектива или не имеет никакого значения, или в таком коллективе работать (учиться) интереснее (табл. 30).

Таблица 30

Значимость национального состава трудового коллектива (%)*

Варианты ответа:	В целом по массиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Не имеет значения	63	63	60	65
В многонациональном коллективе работать / учиться интереснее	22	25	19	22
В многонациональном коллективе работать / учиться сложнее	6	5	10	3
Затруднились ответить	5	6	8	1
Не ответили	4	1	3	9
Итого	100	100	100	100

* Таблица составлена по материалам опро-

Таблица 31
Представления о Родине
 (% , 2014 г.)*

Варианты ответа:	В целом по масси- ву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Киргизия	47	48	53	41
Россия	8	10	8	5
СССР	10	7	3	19
Город прожи- вания	19	17	24	18
Затруднились ответить	13	15	9	14
Не ответили	3	3	3	3
Итого	100	100	100	100

вителей местных национальностей (киргизов, узбеков, уйгуров) не увеличился. Важно отметить, что мнения русской молодежи разных возрастных категорий по «национальному вопросу» оказались практически сходными.

Представления о Родине и этнорегиональная идентичность. О том, что русские юноши и девушки чувствуют себя в иноэтничной среде Киргизии более или менее уверенно, не ощущают себя здесь чужаками, свидетельствуют их представления о Родине (табл. 31).

Ею для многих (почти для 50% респондентов) стала Республика Кыргызстан. Россию и СССР в качестве Родины упомянуло гораздо меньшее число русских – менее пятой части.

Мало того, региональная идентичность стала более распространенной, нежели этническая. Общность со всеми жителями Киргизии или с жителями своего города оказалась близкой большому числу русских юношей и девушек, чем общность с русским народом и даже русскими Киргизии. Ощущали себя в первую очередь жителями Киргизии или Бишкека 64% респондентов, а частью русского народа и частью русских Киргизии – лишь 40% (табл. 32). Почти 70% русских заявили, что интересуются историей Республики Кыргызстан и ее народа.

Важно, что, как уже отмечалось выше, основные противоречия в республиканском сообществе представители местной русской молодежи видели преимущественно между богатыми и бедными, чиновниками и простыми гражданами, т.е. искали их не столько в этнической, сколько в социально-экономической плоскости, позиционируя себя тем самым в первую очередь гражданами своей страны, а не этническим меньшинством.

Можно сказать, что русская молодежь, оставшаяся в Киргизии, в целом приспособилась к новым условиям жизни, приняв их как данность, несколько умирив

Национальность практически никому не представлялась серьезным фактором при приеме на работу нового сотрудника. И даже национальная принадлежность непосредственного начальника, по мнению почти 60% русских, не играет особой роли в рабочем процессе и трудовых отношениях. Показательно, что по сравнению с концом 1990-х гг. доля подобных позитивных ответов выросла с 48% до 58%. Важно и то, что и человека русской национальности в качестве начальника предпочло меньшее количество респондентов, чем раньше, хотя выбор представ

свои социальные аппетиты, вооружившись чувством этнической толерантности, монолитно влившись в трудовые и учебные коллективы с преимущественно киргизским составом. Этому, несомненно, благоприятствовало улучшение положения русских в этнополитической сфере, некоторые, хотя и незначительные, сдвиги в экономике. Крайне значимую роль играло и повышение в республике позиций русского языка.

Таблица 32

Этнорегиональная идентификация (% , 2014 г.)*

Варианты ответа:	В целом по массиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	16–30 лет
Ощущают себя в первую очередь:				
Жителями Бишкека	28	35	25	23
Жителями Кыргызстана	26	21	24	33
Русскими Кыргызстана	24	21	25	28
Частью русского народа	16	17	21	12
Другой вариант	2	2	1	1
Затруднились ответить	2	2	3	1
Не ответили	2	2	2	2
Итого	100	100	100	100

* Таблица составлена по материалам опроса русской городской молодежи 2014 г.

Языковое поведение и языковые ориентации

Русский язык в Киргизии. Итогом распада Советского Союза и суверенизации бывших союзных республик явилось существенное укрепление в них статуса языка титульных национальностей и сужение сферы распространения русского языка. Этому способствовали резкое сокращение связей между бывшими союзными республиками и массовый отток русскоязычного населения в Россию. На общем фоне только в Белоруссии и Киргизии ситуация с русским языком в настоящее время выглядит более или менее благополучной, хотя вторая шла к этому довольно не простым и часто болезненным путем.

Со второй половины 1980-х гг. и, в особенности, с конца 1980-х – начала 1990-х среди общественности Киргизии, прежде всего, в среде киргизской интеллигенции, отмечалось заметное недовольство уровнем функционирования и развития в республике киргизского языка. В результате «взрыва» национального самосознания во второй половине 1980-х гг. начались процессы языкового законодательства, т.е. создания законов и подзаконных актов о развитии киргизского языка и его функционировании в масштабах страны. В сентябре 1989 г. был принят Закон о государственном языке, согласно которому киргизскому языку был придан статус государственного. Согласно ему с конца 1990-х гг. вся официальная документация

должна перейти на киргизский язык. В Постановлении Верховного Совета «О порядке введения в действие Закона Кыргызской ССР «О государственном языке» Совету Министров поручалось буквально за несколько месяцев создать необходимые условия для овладения населением государственным языком и разработать типовые инструкции по организации и ведению на нем делопроизводства. Однако осознав невозможность проведения подобной акции в короткие сроки, руководство страны решило продлить ее осуществление еще на десять лет.

Русскому языку отводилась роль посредника с весьма туманными функциями. Между тем, по данным переписи 1989 г., т.е. во время разработки и принятия нового языкового законодательства, доля знающих русский язык в республике (включая местное русское население) превышала 70%.

В силу того, что подавляющее большинство живущих в Киргизии русских, украинцев, немцев, евреев, татар, да и часть русскоязычных киргизов, не владела государственным языком, многими жителями республики на фоне активной поддержки новых законов основной массой киргизского населения резкая переориентация в языковой политике воспринималась как личная трагедия, жизненный крах. Тем более, что реальные шаги властей по обучению граждан киргизскому языку были слабо продуманы и малоэффективны.

Начались ущемления по языковому признаку в сфере труда и образования. При занятии значительного перечня должностей, особенно в сфере управления, требовалось обязательное знание государственного языка, в вузах произошло ощутимое сокращение русскоязычных групп.

Однако постепенно ситуация начала меняться. В результате массового отъезда русских кадров, явившегося ответной реакцией местного русского населения на притеснения в культурно-языковой, социально-экономической и этнополитической сферах, экономика республики стала нести ощутимые потери. В Киргизии с ее ярко выраженной этнической трудовой специализацией положение оказалось весьма серьезным, т.к. киргизы не были подготовлены к тому, чтобы заполнить рабочие места, покидаемые русскими. Стала понятна необходимость пересмотра языковой политики в республике и восстановления статуса русского языка.

Следует отметить, что русский язык оставался престижным среди населения Киргизии даже в то время, когда рост национального самосознания киргизов находился в «апогее». В начале 1990-х гг., когда Киргизия обрела независимость, руководство страны ориентировало общественность на сохранение русского языка. В частности, бывший президент Кыргызской Республики А. Акаев говорил, что русский язык «...был и остается нашим вторым языком, языком межгосударственного, международного общения в пределах СНГ, языком науки и информации, поэтому нельзя допустить ослабления преподавания и изучения русского языка в школах, вузах, не говоря о подготовке кадров русистов»²⁹. 5 мая 1993 г. была принята новая Конституция Киргизии, в которой отмечалось, что Кыргызская Республика гаран-

тирует сохранение, равноправие, свободное развитие и функционирование русского и всех других языков, которыми пользуется население республики, не допускается ущемление прав и свобод граждан по признаку незнания или невладения государственным языком.

Под влиянием как экономических, так и политических факторов (необходимость поддержания хороших отношений с Россией), под давлением демократических общественных движений в республике, а также в силу разрешения основных задач проводившейся этноязыковой политики («коренизация» сферы управления, значительное повышение роли киргизского языка и культуры, рост социальных позиций киргизов и т.п.) вопросам функционирования русского языка стало уделяться гораздо больше внимания.

В 2000 г. Парламентом Кыргызстана был принят Закон «Об официальном языке Кыргызской Республики», где русскому языку был определен статус официального, тем самым русский язык получил защиту и гарантию на государственном уровне. А еще через год было внесено изменение в статью 5 Конституции КР о закреплении за русским языком статуса официального, что фактически уравнивало в правах киргизский и русский языки. Важно, что законы и постановления по поводу русского языка не остаются пустой декларацией, а воплощаются в жизнь, хотя чиновники на местах не всегда достаточно оперативно и адекватно выполняют распоряжения республиканской власти.

Первым крупным мероприятием после распада Союза в деле сохранения русского языка и улучшения положения русскоязычного населения в Киргизии стало открытие в 1993 г. совместного Российско-Кыргызского (славянского) университета в г. Бишкек. Продолжая успешно функционировать, в настоящее время он стал уже далеко не только учебно-образовательным учреждением, но и важным культурным центром.

В большинстве высших и средних специальных учебных заведений Киргизии функционируют русскоязычные группы, в которых, помимо русских обучается немало молодежи других национальностей.

Важным индикатором сохранности русского языка в Киргизии служит уровень его распространения в сфере школьного образования. В республике не произошло резкого снижения количества школ с русским языком обучения, и, соответственно, учащихся в них. Сравнение данных по количеству средних школ по языкам обучения показывает, что в период с 1991 по 2011 гг. общее число школ в стране увеличилось почти на 20%. При этом процентное соотношение школ с обучением на различных языках изменилось незначительно (на киргизском – с 63,5% до 64,2%, русском – с 10,6% до 9,1%, узбекском – с 6,6% до 5,5%)³⁰.

На сегодняшний день среди школ с одним языком обучения школы с киргизским языком составляют большинство, в них обучается более 623 тыс. учеников, что составляет 61,2% всех учащихся в стране. Обращает на себя внимание тот факт,

что таких школ больше всего в наиболее густонаселенных областях: Ошской и Джалалабадской. Большинство школ с киргизским языком обучения сосредоточено в сельских районах, в основном они малокомплектные³¹.

Количество учащихся в школах и классах с преподаванием предметов на русском языке составляет более 280 тыс. (27,5% от общего количества учащихся республики), это число ежегодно увеличивается на 5–6 тыс. учащихся. Помимо 201 школы с русским языком обучения, в стране имеются классы с русским языком обучения в смешанных школах и основное их количество приходится на г. Бишкек и Чуйскую область³².

Интерес к русскому языку огромен не только среди киргизов, но и среди других этносов, проживающих в Киргизии. Трудовая миграция населения республики в Россию, где в последнее время для получения патента на работу нужно сдать экзамен по русскому языку, формирует дополнительные стимулы для его изучения.

Довольно значимую роль играет русский язык в средствах массовой информации республики. Одной из самых массовых и пользующихся спросом считается газета «Вечерний Бишкек». С конца 1990-х – начала 2000-х гг. стали активно распространяться русскоязычные газеты «Республика», «Столица», «МСН».

Вполне понятно, что большая часть СМИ Киргизии функционирует на киргизском языке в силу того, что основная масса населения республики представлена киргизами. Однако, как считает эксперт в области СМИ Бакыт Ибраимов, в профессиональном плане издания на русском языке по качеству материалов значительно превосходят СМИ на киргизском и узбекском. «Сегодня в университетах подготовка журналистов строится на основе русской журналистики, ее истории и развитии. Поэтому выпускники русских групп намного больше востребованы на рынке труда, об этом говорят и тиражи русскоязычных изданий, которые в 2–3 раза выше, чем кыргызоязычные издания»³³.

По мнению редактора веб-сайта Internews-Kyrgyzstan Артема Петрова, несмотря на то, что «в республике наблюдается отток русскоязычного населения, интерес к изданиям на русском языке не ослабевает. В процентном отношении тиражи издания падают намного меньше, чем выехало славянских этносов»³⁴. А председатель ОО «Журналисты» Курбан Мамбеталиев отмечает: «Русский язык для многих кыргызстанцев стал рабочим языком, многие к нему привыкли. И в этом я не вижу никакой угрозы для существования кыргызского языка, в том числе и в СМИ»³⁵.

Конечно, необходимо учитывать то, что русскоязычные СМИ активны в основном в городах, а киргизоязычные – в сельской местности, где превалирует население со слабым знанием или незнанием русского языка. Этот фактор во многом объясняет и то, что и информация на ведущих Интернет-сайтах Кыргызстана открывается на русском языке, а уже потом читатель может воспользоваться ссылкой на киргизоязычный или англоязычный варианты сайта, ведь процесс проникновения Интернета в сельские районы республики идет пока крайне медленно.

Русский язык широко распространен на телевидении и радио. Новости и другие общественно-развлекательные передачи на русском языке активно воспринимаются зрителями и слушателями страны, их слушают и смотрят не только русские, но и немалая часть киргизов, особенно в городах, о чем более подробно будет сказано ниже.

С начала нового века начинает оживать в Киргизии и русская литература. Это видно на примере русскоязычного журнала профессиональных писателей «Литературный Кыргызстан», который в 1980-е гг. выходил ежемесячно почти шестидесяти тысячным тиражом, а после распада Союза его можно было найти только в системе Интернет. С 2004-го г. он снова обрел свой реальный, привычный для читателей облик, в чем значительную помощь оказало Посольство Российской Федерации в Киргизии.

Довольно широко используется русский язык и в сфере общения людей, прежде всего, в крупных городах Киргизии, особенно в Бишкеке. Он постоянно звучит на улицах города, на нем написаны многие вывески и рекламные плакаты, названия улиц и т.п.

Широкое использование русского языка в Киргизии во многом основывается на том, что его знает значительная часть жителей республики (хотя, естественно, это далеко не единственная причина). Согласно итогам переписи населения Киргизии 1999 г., русский язык в той или иной мере знало более 50% киргизов от 15 лет и старше, а треть их свободно им владела. Конечно, в разных регионах республики эти показатели заметно варьировали, в столице они были существенно выше, чем, например, в Ошской и Нарынской областях, где уровень преподавания русского языка еще нуждается в значительном совершенствовании³⁶. Хотелось бы напомнить, что доля русских (носителей русского языка) в республике за постсоветский период существенно снизилась – до 8%. Тем не менее, по данным переписи населения 2009 г., русским языком владеет 48% населения страны, киргизским языком – 71%.

Во время опроса, проведенного в 2005 г. среди участников Курултая народов Кыргызстана, представляющих разные этнические общности республики, были получены данные, свидетельствующие о том, что «несмотря на государственный статус киргизского языка, его использование в городской местности значительно уступает русскому языку. Так, например, на русском языке разговаривают на работе 68,5% респондентов, в общественном транспорте – 65,2%, в магазинах – 61,9%, в клубах и театрах – 55,2%, в государственных учреждениях – 60,1%»³⁷. Авторы исследования отмечают также, что, поскольку практически все респонденты владеют русским языком, то применение государственного языка в различных сферах жизнедеятельности для многих некиргизов представляет определенные трудности, кроме того, они не ощущают необходимости изучать его. Даже среди тюркоязычных этносов киргизским языком пользуются единицы. Для проживающих же в Киргизии украинцев, корейцев, евреев, немцев характерна утрата родного языка даже в их семейном кругу. В национально-культурных центрах, являющихся очагами языковой культуры, обучение евреев и немцев их родному языку идет через русский язык.

Принципиально важно, что киргизская молодежь, процесс взросления и социального становления которой пришелся на постсоветский период, не утрачивает интереса к русскому языку, прежде всего, конечно в условиях города и владеет им почти в той же мере, что и родительское поколение, воспитывавшееся в условиях акцентированного русскоязычия. Хотя в сельской местности, малых городах русский язык практически утратил свои позиции.

Полиэтничность Кыргызстана, глобализация мировой экономики и культуры, возможность свободного передвижения народов, активизация миграции киргизов в зарубежные государства, особенно в Россию, а также реальные примеры более успешного социального продвижения «полиглотов» служат важной мотивацией активного приобщения киргизской молодежи к русскому языку. Многие из них осознают, что только благодаря билингвизму и полилингвизму возможно интегрироваться в мировое сообщество и шагать в ногу со временем, приобщиться к достижениям мировой культуры, достичь успехов в личной жизни – сделать карьеру, заняться бизнесом и т.п.

Все это свидетельствует о том, что в настоящее время в Киргизии имеются более или менее благоприятные условия для функционирования и развития русского языка, в особенности в сравнении со многими другими странами нового российского зарубежья. И с этим полностью согласуются данные нашего опроса о речевом поведении местной русской молодежи.

Речевое поведение русской молодежи. Согласно исследованию 2014 г., все респонденты русской национальности знают русский язык (табл. 33).

Таблица 33

Степень владения русским и киргизским языком (%)

Варианты ответа:	В целом по массиву		Возрастные категории					
			16–20 лет		21–25 лет		26–30 лет	
	Русский	Киргизский	Русский	Киргизский	Русский	Киргизский	Русский	Киргизский
Думают на этом языке, свободно говорят, читают, пишут	93	2	94	2	92	3	92	–
Могут говорить и читать, но думают на другом языке	–	15	–	15	–	14	–	17
Говорят с затруднениями	–	24	–	24	–	29	–	18
Не знают языка	–	42	–	42	–	39	–	52
Не ответили	7	15	6	15	8	15	8	13
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100

При этом уровень владения молодежью языком своей национальности в условиях жизни в иноэтнической среде предельно высок: все ответившие указали, что «думают, свободно говорят, читают и пишут» на русском языке. Абсолютное большинство русских (более 90%) назвали русский язык родным.

С этими данными корреспондирует речевое поведение русской молодежи. Русский язык является преобладающим в использовании во всех сферах жизни. В

общении в семье и близкими родственниками русским пользуются все опрошенные. С друзьями и знакомыми также абсолютное большинство русских юношей и девушек предпочитают общаться на русском. Русский язык доминирует и в речевом поведении молодых людей русской национальности в общественных местах, на работе, во время учебы. Данное обстоятельство объясняется широким распространением русского языка в Киргизии, его знает и использует большинство жителей республики. Поэтому молодежь русской национальности не испытывает серьезных затруднений, разговаривая на русском в общественных местах, в сферах труда и образования (табл. 34, 35, 36, 37).

Таблица 34

Языки, используемые в общении в семье, с близкими родственниками (%)

Варианты ответа:	В целом по массиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Русский	100	100	100	100
Киргизский	4	6,8	1,4	3
Узбекский	1	–	–	3
Другие языки	1	1	1	–
Итог не составляет 100%, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа на данный вопрос.				

Таблица 35

Языки, используемые в общении с друзьями и знакомыми (%)

Варианты ответа:	В целом по массиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Русский	98	98	97	99
Киргизский	12	14	14	9
Узбекский	1	–	–	3
Другие языки (укажите, какие)	1	1	1	1
Не ответили (системные пропущенные)	1	1	1	1
Итог не составляет 100%, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа на данный вопрос.				

Таблица 36

Языки, используемые в общественных местах (%)

Варианты ответа:	В целом по массиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Русский	99	100	99	99
Киргизский	11	9	13	13
Узбекский	–	1	–	–
Другие языки (укажите, какие)	–	1	–	–
Не ответили (системные пропущенные)	1	–	1	1
Итог не составляет 100%, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа на данный вопрос.				

Таблица 37

Языки, используемые на работе (%)

Варианты ответа:	В целом по массиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Русский	79	66	85	90
Киргизский	11	10	13	12
Узбекский	–	1	–	–
Другие языки (укажите, какие)	4	2	6	5
Не ответили (системные пропущенные)	20	34	15	10
Итог не составляет 100%, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа на данный вопрос.				

Таблица 38
Языки, используемые в процессе
учёбы (%)

Варианты ответа:	В це- лом по масси- ву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Русский	64	92	67	30
Киргизский	6	11	6	–
Узбекский	–	–	–	–
Другие языки (укажите, какие)	3	6	3	–
Не ответили	36	8	33	71
Итого не составляет 100%, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа на данный вопрос.				

Таблица 39
Языки, используемые при чтении
газет (%)

Варианты ответа:	В це- лом по массиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Киргизский	–	–	–	–
Русский	93	97	90	92
Узбекский	–	–	–	–
Киргизский, русский	2	2	3	1
Другой	–	–	–	–
Не читают газет	3	1	3	4
Не ответили	2	–	4	3
Итого	100		100	100

Русские юноши и девушки не только активно общаются на русском языке в разных сферах жизни, но и использует его для получения информации, что говорит о наличии в современной Киргизии более или менее широких возможностей для этого. Так, 92–93% респондентов на русском языке читают газеты и слушают радио, 96% пользуются Интернетом. Только телепередачи исключительно на русском языке смотрят 54% русских, а чуть более 40% наряду с русским языком пользуются киргизским (табл. 39, 40, 41, 42).

Таблица 40
Языки, используемые при
прослушивании радио (%)

Варианты ответа	В це- лом по массиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Киргизский	–	–	–	–
Русский	92	93	92	91
Узбекский	–	–	–	–
Киргизский, русский	3	3	3	3
Другой	–	1	–	–
Не слушают радио	3	1	3	4
Не ответили	2	1	2	2
Итого	100	100	100	100

Таблица 41
Языки, используемые при
просмотре телепередач (%)

Варианты ответа:	В це- лом по массиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Киргизский	–	–	–	–
Русский	54	49	51	63
Узбекский	–	–	–	–
Киргизский, русский	43	50	44	35
Другой	–	–	–	–
Не смотрят телевизор	2	–	2	2
Не ответили (системные пропущенные)	1	1	3	–
Итого	100	100	100	100

Таблица 42
Языки, используемые при использовании сети Интернет (%)

Варианты ответа:	В це- лом по масси- ву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Киргизский	–	–	–	1
Русский	96	96	97	95
Узбекский	–	–	–	–
Киргизский,	1	–	–	3

Варианты ответа:	В це- лом по масси- ву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Другой	–	1	–	–
Не пользуются	1	1	1	–
Не ответили	2	2	2	1
Итого	100	100	100	100

По мнению большинства представителей русской молодежи, в настоящее время в республике не существует недостатка печатной продукции на русском языке, как и теле- и радиопередач (табл. 43, 44). Тем не менее, для определенной, хотя и небольшой части молодых людей число русскоязычных средств массовой информации представляется не соответствующим желаемому. В основном эта студенты, нуждающиеся в более широком объеме информации на русском языке для более полного включения в русскую культуру с целью дальнейшего социального продвижения, в т.ч. за пределами Киргизии.

Таблица 43

Удовлетворенность наличием в Киргизии книг, газет и журналов на русском языке (%)

Варианты ответа:	В целом по масси- ву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Удовлетворены	76	78	71	77
Не удовлетворены	11	9	15	10
Затруднились ответить	13	13	14	13
Не ответили	–	–	–	–
Итого	100	100	100	100

Таблица 44

Удовлетворенность числом радио- и телепередач на русском языке (%)

Варианты ответа:	В целом по масси- ву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Удовлетворены	73	80	65	76
Не удовлетворены	15	9	21	15
Затруднились ответить	11	10	14	8
Не ответили	1	1	–	1
Итого	100	100	100	100

Оценивая приведенные данные, важно не забывать, что речь идет только о городской молодежи, среди которой значительную часть составляют жители столицы республики – Бишкека, где выше доля русского населения, разнообразнее спектр СМИ. В малых городах и сельской местности русский язык распространен заметно слабее. Однако и то обстоятельство, что он широко используется в столичном регионе, принципиально отличает Киргизию от многих других республик бывшего СССР, в особенности государств Балтии.

В то же время нельзя не отметить, что в полиэтнических обществах для сохранения этнического мира и согласия, упрочения атмосферы взаимодоверия и взаимопонимания, развития процесса взаимообогащения культур принципиально важным является распространение двуязычия среди представителей всех этнических сообществ. Необходимо, в частности, чтобы не только представители титульного народа и местных этнических меньшинств знали русский язык, но и живущие там русские владели языком этнического большинства.

Русская молодежь и киргизский язык. К сожалению, в настоящее время далеко не все представители русской молодежи Киргизии поддерживают эту точку зрения. Более половины опрошенных высказали свое несогласие с утверждением, что все граждане страны должны знать ее государственный язык. Пятая часть затруднилась ответить на этот вопрос, и лишь четверть дала положительный ответ (табл. 45).

Таблица 45

Согласие с утверждением, что все граждане Кыргызстана должны владеть киргизским языком (%)

Варианты ответа:	В целом по массиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Согласны	24	23	32	18
Не согласны	52	46	53	56
Затруднились ответить	22	30	13	23
Не ответили	2	1	2	3
Итого	100	100	100	100

На формирование подобных установок в немалой мере оказывает влияние старшее поколение, жившее при советской власти в условиях полнейшего доминирования русского языка во всех сферах жизни, а также заметное смягчение государственной политики в языковой сфере, отсутствие жесткого давления (прямого или косвенного) на иноэтническое население в плане обязательного приобщения его к государственному языку, в т.ч. через образовательную систему. Согласно данным нашего исследования, подавляющее большинство респондентов обучалось в школах на русском языке и только каждый десятый – на русском и киргизском (табл. 46).

Соответственно степень владения русской молодежью киргизским языком пока остается невысокой. Так, в той или иной мере знают киргизский язык чуть более 40% русских, но сравнительно хорошо – думают на языке, свободно говорят, читают, пишут – лишь 17%, а 24% – с затруднениями говорят.

Таблица 47

Использование киргизского языка при письме

Варианты ответа:	В целом по массиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Часто	6	10	4	4
Редко	29	30	36	22
Не приходится	50	39	49	64
Не ответили	15	21	11	10
Итого	100	100	100	100

читает газет, не слушает радио и не пользуется Интернетом на киргизском языке. Как исключение выступают лишь некоторые телевизионные передачи, которые смотрят и на русском, и на киргизском. Примерно третья часть иногда употребляет киргизский язык при письма (табл. 47).

Таблица 46

Язык обучения респондентов в школе (%)

Варианты ответа:	В целом по массиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Киргизский	–	–	–	1
Русский	87	89	85	87
Узбекский	–	–	–	–
Киргизский, русский	9	9	11	6
Другой	–	–	–	–
Затрудняюсь ответить	1	–	–	3
Не ответили	3	2	4	4
Итого	100	100	100	100

Еще ниже уровень использования киргизского языка. В городской, в особенности в столичной среде большинство русских, в т.ч. молодых людей, могут спокойно обходиться без его употребления. Весьма показательны в этой связи следующие данные: хотя в той или иной мере знают киргизский язык свыше 40% русских юношей и девушек, но используют его в общении лишь примерно в 10% случаев. Никто из респондентов не

Однако процесс приобщения русской молодежи к местной культуре и языку, включения в местную среду, хотя и медленно, но идет, что связано, с одной стороны, с постоянным сужением русскоговорящего контингента (за счет миграции, невысокой рождаемости у русских и т.п.), с другой, – постепенным осознанием частью русской молодежи преимуществ двуязычия, ростом потребностей в изучении государственного языка. В реальной жизни многие в определенных конкретных обстоятельствах ощущают неудобства в связи с его незнанием. О необходимости для себя изучить киргизский язык высказались более 40% русских (табл. 48).

В первую очередь, они объясняли это трудностями взаимодействия с государственными органами. Серьезным мотивом служили и социально-экономические факторы – сложность получить желаемое образование, ту профессию, которую бы хотелось (на что жаловались преимущественно школьники, выбирающие для себя учебное заведение для продолжения образования) и найти престижную, высокооплачиваемую работу (табл. 49).

В то же время есть немало русских юношей и девушек, для которых киргизский язык представляется не нужным (табл. 50), причем не только для себя, но и для своих потомков. Обучать детей в школе на киргизском языке не захотел практически никто, и лишь четверть отдала предпочтение двуязычному обучению – на русском и киргизском, что, конечно, в такой полиэтничной стране, как Киргизия, где русские составляют явное меньшинство, выглядит весьма недальновидным.

Таблица 48

**Необходимость изучения,
улучшения знания киргизского
языка (%)**

Варианты ответа:	В целом по массиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Да, это необходимо	41	38	42	44
Нет	41	43	44	35
Затрудняюсь ответить	16	16	11	19
Не ответили	3	3	3	3
Итого	100	100	100	100

Мотивы овладения киргизским языком (%)

Таблица 49

Варианты ответа:	В целом по массиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Без знания киргизского языка трудно получить желаемое образование	11	22	4	5
Без знания киргизского языка трудно найти хорошую работу	32	30	26	39
Без знания киргизского языка трудно взаимодействовать с государственными чиновниками	35	32	43	30
Без знания киргизского языка трудно взаимодействовать с киргизами	6	8	4	4
Другое (укажите, что именно)	3	3	1	5
Не ответили	20	13	26	23
Итого не составляет 100%, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа на данный вопрос.				

Таблица 50
Язык, предпочтительный для
обучения детей респондентов в
школе

Варианты ответа:	В целом по мас- сиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Киргизский	–	–	1	–
Русский	63	66	54	63
Узбекский	–	–	–	–
Киргизский, русский	24	22	29	24
Другой	1	1	3	–
Затруднились ответить	4	2	7	4
Не ответили	8	9	6	9
Итого	100	100	100	100

выглядит больше, чем полностью от нее отгородившихся.

На фоне непопулярности киргизско-го языка среди русской молодежи все же замечен определенный ее интерес к достижениям киргизской культуры (табл. 51). Так, совершенно не знакома с киргизской литературой лишь четверть респондентов и чуть более трети полностью не информировано о достижениях в области театра, кино, спорта. Наименьший интерес проявили русские юноши и девушки к киргизскому народному творчеству, в т.ч. к фольклору – не знают его произведений почти 40%. Однако во всех случаях доля молодежи, находящейся в той или иной мере в сфере влияния местной культуры

Таблица 51

Степень знакомства с достижениями культуры киргизского народа

А. В сфере литературы (%)

Варианты ответа:	В целом по мас- сиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Хорошо знают	19	19	31	5
Знают, но не- много	59	50	53	76
Вообще не знакомы	21	31	16	15
Не ответили	1	–	–	4
Итого	100	100	100	100

Б. В сфере кино, театра (%)

Варианты ответа	В целом по мас- сиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Хорошо знают	7	9	10	2
Знают, но не- много	60	64	51	63
Вообще не знакомы	30	27	35	30
Не ответили	3	–	4	5
Итого	100	100	100	100

**В. В сфере народного творчества,
фольклора (%)**

Варианты ответа:	В целом по мас- сиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Хорошо знают	11	17	15	1
Знают, но немного	45	36	42	58
Вообще не знакомы	37	39	35	37
Не ответили	7	8	8	4
Итого	100	100	100	100

Г. В сфере спорта (%)

Варианты ответа:	В целом по мас- сиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Хорошо знают	14	17	18	6
Знают, но не- много	51	43	46	65
Вообще не знакомы	32	34	35	26
Не ответили	3	6	1	3
Итого	100	100	100	100

На фоне нынешней сравнительно благополучной ситуации в языковой сфере становится заметным, что в первом десятилетии нового века в среде киргизской интеллигенции вновь актуализировались вопросы развития киргизского языка. Повышенное внимание к русскому языку стало восприниматься некоторыми ее представителями как тенденция к ослаблению позиций языка титульной национальности, чему в определенной мере способствовало слабое знание частью высокопоставленных общественных и политических деятелей киргизского языка. В подобной ситуации, конечно, важна твердая позиция руководства Киргизии, в т.ч. ее президента, в вопросах языковой политики, стабильная ситуация в республике. Значительную роль играет и отношение России к своим соотечественникам за рубежом.

Все это представляется особенно важным с учетом того, что свои интересы пытаются проводить на территории среднеазиатского региона и другие страны, в частности Турция, которая вынашивает идею, что все тюркоязычные народы должны перейти на единый турецкий язык. По словам Владимира Нифадьева – ректора РКСУ, «нельзя упустить возможность усиления российского интеллектуального влияния в Кыргызстане. Если мы его потеряем, потом это обойдется для России в тысячу раз дороже»³⁸.

РАЗДЕЛ 4. УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ, ПРОТЕСТНЫЕ НАСТРОЕНИЯ И ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ

Удовлетворенность русской молодежи различными сторонами жизни

Важнейшим условием социально-психологической адаптации к новым изменяющимся условиям и одновременно показателем (критерием) ее успешности/неуспешности является степень удовлетворенности индивида/группы различными сторонами своей жизнедеятельности.

Прежде чем предложить сравнительную характеристику степени удовлетворенности различными аспектами жизнедеятельности русской молодежи Киргизии, необходимо отметить, что полученный в ходе этносоциологического исследования 2014 г. итоговый индекс социальной удовлетворенности молодых русских довольно высок (+0,56) (табл. 52), что является отражением повышенного уровня удовлетворенности жизнью в целом, позитивного эмоционального самочувствия, индикатором довольно успеш-

Таблица 52

Удовлетворенность различными сторонами жизни (%)

	Индекс
Деятельность властей:	
Городских	-0,46
Республиканских	-0,40
Президента	-0,12
Социально-экономическое положение	
Материальное положение	+0,13
Жилищно-бытовые условия	+0,64
Работа, учеба	+0,55
Культурно-бытовые условия	-0,27
Взаимоотношения с людьми:	
Противоположного пола	+1,33
С друзьями	+1,39
С коллегами	+0,94
С соседями	+1,03
Взаимоотношения в семье:	
С родителями	+1,65
С детьми	+0,78
С мужем, женой	+0,65
Общий коэффициент удовле-	+0,56

ной адаптации к изменившимся этнополитическим и социально-экономическим условиям жизни в республике.

Удовлетворенность властью. Постсоветское время в странах, образовавшихся после развала Советского Союза, в т.ч. и в Киргизии – время больших социальных, экономических и, конечно же, политических перемен. Резко и стремительно менялись на политической арене Киргизии формальные и неформальные лидеры и партии, президенты, парламенты и правительства. Политическая чехарда и экономическая нестабильность в стране не прибавили людям социального оптимизма и уверенности в завтрашнем дне, что, безусловно, отразилось на оценках деятельности властных структур русской молодежью республики.

Если в самом общем виде оценить уровень удовлетворенности русской молодежи Киргизии деятельностью органов власти разного уровня, начиная от городских властей и заканчивая деятельностью президента страны, то очевидно, что индекс удовлетворенности деятельностью властных структур у русской молодежи оказался самым низким в ряду показателей удовлетворенности различными сторонами жизни, составив –0.33. Почти одинаково высокими показателями социальной фрустрированности выделяются шкалы *деятельности городских и деятельности республиканских властей*: группа неудовлетворенных в той или иной степени этой деятельностью составляла 60%. При этом надо отметить, что наиболее высокими показателями неудовлетворенности в этой сфере отличалась старшая возрастная группа русской молодежи (26–30 лет), у которой эти показатели достигали 68–71% (табл. 53, 54).

Таблица 53

Удовлетворенность деятельностью власти: городские власти Бишкека (%)*

Варианты ответа:	В целом по мас-сиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Полностью удовлетворены	7,1	10,2	6,9	3,8
Скорее удовлетворены	25,6	35,2	22,2	17,9
Скорее не удовлетворены	33,2	27,3	33,3	39,7
Полностью не удовлетворены	26,5	21,6	27,8	30,8
Не ответили	7,6	5,7	9,8	7,8
Итого	100	100	100	100

Таблица 54

Удовлетворенность деятельностью власти: республиканская власть Киргизии (%)

Варианты ответа:	В целом по мас-сиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Полностью удовлетворены	7,6	11,4	6,9	3,8
Скорее удовлетворены	25,6	33,0	20,8	21,8
Скорее не удовлетворены	39,1	36,4	44,4	37,2
Полностью не удовлетворены	21,0	15,9	16,7	30,8
Не ответили	6,7	3,3	11,2	6,4
Итого	100	100	100	100

Среди всех шкал блока удовлетворенности деятельностью властей шкала «Удовлетворенность деятельностью президента» получила у русской молодежи более высокие индексы удовлетворенности. Так, группа неудовлетворенных в той

или иной степени деятельностью президента Киргизии составила 48% и заметной дифференциации по этому показателю среди разных возрастных групп русской молодежи не наблюдалось (табл. 55).

Удовлетворенность социально-экономическим положением и культурно-бытовыми условиями жизни. Среди всех анализируемых шкал наивысшими (после шкалы власти) показателями социальной фрустрированности у русской молодежи выделяются «культурно-бытовые условия жизни в городе» и «материальное положение», индексы которых составили соответственно $-0,27$ и $+0,13$, что свидетельствует о почти «равновесном» соотношении среди молодежи групп удовлетворенных и неудовлетворенных названными условиями. Здесь, как и в рассмотренных выше показателях фрустрированности властью, более высокой степенью неудовлетворенности выделяется группа молодежи старшего возраста, в среде которой больше людей уже работающих, семейных и имеющих детей. Что касается показателей удовлетворенности по остальным шкалам этого блока («жилищно-бытовые условия», «работа, учеба»), то все они имеют положительные показатели.

Межличностное взаимодействие у русской молодежи складывается весьма успешно, судя по высоким позитивным показателям удовлетворенности молодых людей взаимоотношениями с друзьями, коллегами, соседями и членами семьи.

Проведенный в ходе исследования 2014 г. в Киргизии анализ дифференциации общих оценок русской молодежью своей жизненной ситуации дает возможность структурировать массивы опрошенных по степени их адаптированности к среде и степени активности или пассивности их жизненных позиций. Первую группу, которую мы условно назвали «адаптанты», составляет молодежь, добровольно или вынужденно приспособившаяся к новой ситуации, активно преобразовавшая условия жизни или себя в направлении органичного «вписывания» в новую среду. Во вторую группу, условно названную «мобилизаторы», мы отнесли тех, кто еще не адаптировался к изменениям, но намерен приложить для этого все свои силы и возможности. Третья группа, названная «выжидатели», включает в себя ту молодежь, которая, не делая активных шагов в направлении приспособления к изменившейся ситуации, наблюдает, выжидает, спокойно, философски воспринимая и плохое, и хорошее. В четвертую группу, названную «пессимисты», попали те молодые люди, которые, не предпринимая никаких активных действий по преобразова-

Таблица 55
Удовлетворенность деятельностью власти: президент Киргизии (%)

	В целом по массиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Полностью удовлетворены	14,3	21,6	8,3	11,5
Скорее удовлетворены	27,7	30,7	26,4	25,6
Скорее не удовлетворены	28,2	33,0	27,8	23,1
Полностью не удовлетворены	20,2	11,4	22,2	28,2
Не ответили	9,6	3,3	15,3	11,6
Итого	100	100	100	100

нию своей жизни, «опустили руки», считая, что не в силах что-либо изменить в этой ситуации.

Анализ полученной структуризации массива опрошенной русской молодежи показал, что доминирующей является группа «адаптантов» – 45% (табл. 56), причем наиболее ярко эта группа представлена среди молодежи 21–25 лет (58%), в то время как среди русских более старших возрастных групп (26–30 лет) удельный вес «адаптантов» резко сокращается – до 27%.

Таблица 56

Отношение респондентов к своей нынешней жизни (%)

Варианты ответа:	В целом по массиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Жизнь интересная, меня полностью устраивает	27,3	28,4	36,1	17,9
Жизнь полна трудностей, но я уже к ним приспособился и не хочу ничего менять	18,1	22,7	22,2	9,0
Жизнь тяжелая, но я приложу все силы, чтобы она стала лучше	25,6	21,6	26,4	29,5
Жизнь очень тяжелая и я вряд ли смогу в ней что-нибудь изменить	3,4	3,4	–	6,4
Жизнь «полосатая», надо спокойно принимать и плохое, и хорошее и все устроится само собой	20,6	17,0	15,3	29,5
Затрудняюсь ответить	6,7	6,8	2,8	10,3
Не ответили	2,5	3,4	1,4	2,6
Итого	100	100	100	100

Второе место по распространенности среди русской молодежи занимает группа «мобилизаторов» – 26%, третье – группа «выжидателей» (21%), причем самой высокой степенью пассивности выделялась русская молодежь старшего возраста (30%).

Кроме структурирования массива русской молодежи по типам выбранных ими жизненных стратегий, мы вычленили активный и реактивный компонент в молодежной среде. Объединив 1 и 2 группы («адаптанты» и «мобилизаторы») в единый блок, мы получили массив респондентов с активной жизненной стратегией, преобразующих себя, свой мир или внешние условия в соответствии с требованиями новой ситуации, т.е. активный компонент. 3 и 4 группы в совокупности («выжидатели» и «пессимисты») дали массив опрошенных, которым присуща пассивная жизненная стратегия, стратегия сторонних наблюдателей, созерцателей, фаталистов, зачастую даже не верящих в возможность активного преобразования жизни, т.е. реактивный компонент. Материалы исследования убедительно показывают, что в адаптивном поведении русской молодежи Киргизии активный компонент встречался в два с лишним раза чаще, чем пассивный (70% против 30%). При этом среди молодежи 26–30 лет доля активного компонента значительно ниже (57%), чем у молодежи младших возрастных групп (73–84%).

Переживаемые людьми эмоциональные состояния могут служить важнейшими характеристиками их адаптивных возможностей, определять их поведенческую стратегию, выступать в качестве субъективных индикаторов успешности или неуспешности адаптации к новым условиям или новой среде. Анализ социального настроения разных этнических групп в полиэтническом государстве дает возможность показать, как оно (настроение) влияет на характер межэтнического взаимодействия, на адаптацию в условиях глобальных трансформаций, на интеграционные процессы в обществе.

По результатам анализа общей оценки жизненной ситуации у русской молодежи Киргизии, можно говорить, что доля оптимистов, считающих, что «все не так плохо, а скоро будет лучше» достаточно высока – 48% (табл. 57). При этом наблюдаются некоторые различия в разных возрастных группах молодежи: так, в группе 16–20-летних свыше половины опрошенных (52%) с оптимизмом смотрят в будущее, тогда как в старших возрастных группах русской молодежи таких оптимистов заметно меньше – 42%.

Таблица 57

Оценка жизненной ситуации (%)

Варианты ответа:	В целом по массиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Всё не так плохо, а скоро будет лучше	47,9	52,3	48,6	42,3
Жить трудно, но терпеть можно	28,6	28,4	26,4	30,8
Терпеть наше бедственное положение совершенно невозможно	8,0	6,8	8,3	9,0
Затрудняюсь ответить	11,3	8,0	12,5	14,1
Не ответили	4,2	4,5	4,2	3,8
Итого	100	100	100	100

Русская молодежь Киргизии отмечает заметные улучшения в своей жизни. Так, свыше трети респондентов заявили, что «жизнь становится лучше», еще половина опрошенных отметила как позитивные, так и негативные перемены в своей жизни, и лишь 8% молодых людей не отметили никаких положительных перемен (табл. 58).

Русская молодежь и политика

Как было показано выше, отношения русской молодежи с государством, с властными структурами выстраиваются не всегда успешно. Уровень удовлетво-

Таблица 58

Мнение респондентов о том, становится ли их жизнь лучше с течением времени (%)

Варианты ответа:	В целом по массиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Да	36,1	38,6	40,3	29,5
В чём-то лучше, в чём-то хуже	52,5	48,9	50,0	59,0
Нет	8,0	8,0	6,9	9,0
Не ответили	3,4	4,5	2,8	2,5
Итого	100	100	100	100

ренности органами власти республики разного уровня остается низким. При этом, с точки зрения интересов русской молодежи, принципиально важно, что, невысокий рейтинг городских и республиканских властей объясняется не столько ущемлением прав и интересов русских в тех или иных сферах жизни, сколько нерешенностью в республике важных социально-экономических проблем. Об этом совершенно четко говорят ответы респондентов на вопрос, учитывает ли руководство республики интересы местного русского населения. Более 80% ответили, что эти интересы в той или иной мере учитываются.

Подтверждением служат и представления молодых людей русской национальности о мерах, необходимых для поддержки русской молодежи со стороны руководства Киргизии (табл. 59). Основная часть респондентов (более 50%) акцентировала внимание на вопросах социального равенства, соблюдении прав человека. О необходимости решения этнокультурных проблем говорили гораздо реже.

Таблица 59

Мнения респондентов о мерах, необходимых для поддержки местной русской молодежи, со стороны руководства Киргизии (% , 2014 г.)*

Варианты ответа:	В целом по массиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Строгое соблюдение прав человека независимо от национальности	51	40	46	68
Помощь в организации национально-культурных центров	10	11	15	3
Улучшение общественного мнения о русских в Бишкеке, в т.ч. через СМИ	13	16	13	9
Обеспечение бесплатного среднего и высшего образования на русском языке	13	11	11	15
Помощь в изучении киргизского языка	15	19	6	14
Помощь желающим уехать из Киргизии	8	14	1	3
Другое	5	3	11	0
Затруднились ответить	14	17	0	8
Не ответили	2	1	4	0
<i>Итого не составляет 100%, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа на данный вопрос.</i>				

* Таблица составлена по материалам опроса русской городской молодежи 2014 г.

Весьма показательно, что по сравнению с исследованием 1999 г., заметно упала доля русских, заинтересованных в улучшении условий для бесплатного школьного и вузовского обучения на русском языке – с 44% до 13%. Одновременно выросла доля ожидающих помощи от властей в изучении киргизского языка – с 7 до 15%. И это, в свою очередь, можно рассматривать как тенденцию к росту ориентаций русской молодежи на жизнь в Киргизии, на включенность в местную среду.

Видимо, в связи с тем, что многие представители русской молодежи сумели как-то приспособиться к жизни в республике, найти в ней свою нишу, довольны

многими сторонами своей жизни, имеют позитивный настрой на дальнейшую адаптацию к меняющейся среде, политическая активность русских юношей и девушек выглядит не слишком высокой. На вопрос о политических предпочтениях более половины опрошенных не ответили или сказали, что не интересуются политикой. Из политических направлений сравнительно больше всего голосов (19%) получило демократическое, а из партий, зарегистрированных в республике, – социально-демократическая партия Кыргызстана. Надо отметить, что среди 192 партий в руководстве только двух встретились люди с русскими фамилиями и именами.

Соответственно, основная масса русской молодежи на момент опроса не была готова активно участвовать в акциях по защите своих прав и интересов. Но такая пассивность носит, как оказалось, относительный характер. При обострении ситуации, прежде всего, в экономике, или в случае роста негативного отношения к русским, русской культуре и языку вполне возможен всплеск молодежного протеста (табл. 60), т.к. лишь четверть респондентов не собирались участвовать в протестных акциях ни при каких условиях.

Таблица 60

**Возможные побудительные мотивы для участия в акциях протеста
 (% , 2014 г.)***

Варианты ответа:	В целом по массе- ву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Резкое снижение уровня жизни	31	25	38	32
Резкий рост безработицы	19	14	28	17
Препятствия в получении образования	8	10	8	5
Препятствия в карьерном росте	6	3	13	4
Препятствия в использовании русского языка	17	9	26	17
Негативное отношение к русским со стороны властей	22	13	35	21
Негативное отношение к русским на бытовом уровне	13	8	18	14
Другое	2	3	1	0
Не будут участвовать в акциях протеста ни при каких обстоятельствах	23	26	17	24
Затруднились ответить	16	19	13	15
Не ответили	2	2	3	1
Итого не составляет 100%, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа на данный вопрос.				

* Таблица составлена по материалам опроса русской городской молодежи 2014 г.

Если к ним добавить людей, затруднившихся ответить на данный вопрос, то даже в этом случае доля оставшихся, т.е. потенциально готовых к протесту среди русской молодежи может насчитывать более 60%.

Особенно много людей, готовых активно выступать за свои права и интересы, среди молодежи от 20 до 25 лет, многие из которых еще до конца не определились в жизни. Их весьма волнуют вопросы не только снижения материального уровня

(38%) и роста безработицы (28%), но и препятствия в использовании русского языка (26%), негативное отношение к русским со стороны властей (35%).

Вполне понятно, что молодые люди, готовые (хотя бы гипотетически) к протестным акциям, ориентированы на то, чтобы остаться жить, учиться и работать в Киргизии. Но есть немало и тех, кто выбирает иную жизненную стратегию – уехать из республики.

Потенциальная миграция

Стремительные изменения политической и социальной жизни советского общества, распад Союза ССР и образование на его «обломках» 15 независимых государств, подъем национального самосознания, обострение межнациональных отношений, находящее свое крайнее выражение в вооруженных столкновениях и гражданской войне, явились следствием глубинных противоречий, назревавших во всех сферах жизни, и одновременно истоком новых социальных и национальных взрывов, потрясений и проблем. Экономический кризис, рост безработицы, растущая инфляция и падение уровня жизни населения еще более усилили социальную напряженность в обществе и кризисные явления в межнациональных отношениях. Новые политические реалии породили и новые проблемы. Принятые в ряде новых государств законы о гражданстве, государственном языке, миграции, зачастую ущемляющие права населения нетитульных национальностей, острые межнациональные конфликты, антирусские настроения, проявляющиеся на бытовом уровне, не могли не вызвать у русских чувства неудовлетворенности, ущемленности своих прав и национальных интересов. Русское население бывших союзных республик оказалось в сложнейшей ситуации выбора: уехать или остаться?

Изучение феномена потенциальной миграции дает возможность оценить масштабы будущей миграции, ее возможные направления, структурные показатели потоков миграции, выявить миграционную мотивацию разных групп населения, что может помочь в анализе, регулировании, принятии ряда мер по оптимизации процессов миграции, в т.ч. трудовой, в изучаемом регионе.

По данным социологического опроса, проведенного в Киргизии в 1993 г., доля потенциальных мигрантов, тех, кто собирался покинуть место своего жительства и уехать за рубежи республики нынешнего проживания, составляла среди горожан 23%, т.е. каждый 4-й русский был намерен в ближайшей перспективе уехать. Еще большей была доля тех, кто пока не принял твердого решения об отъезде, но задумывался над этой проблемой: таких среди русских в городе оказалось около двух третей. В селах отмечалась несколько меньшая ориентация на миграцию: потенциальных мигрантов среди сельских русских было 18%, но тех, кто размышлял о возможности уехать из Киргизии – более половины (57%).

Новые условия политической и социальной жизни Киргизии по-разному воздействовали на те или иные группы русского населения. Миграционное поведение русских было дифференцировано в зависимости от возрастных, образовательных, социально-профессиональных и прочих характеристик.

Как показывают данные 1993 г., мужчины чаще, чем женщины были настроены на отъезд из республики. Наиболее ориентированы на миграцию были лица в возрасте 20–29 лет и 40–49 лет: это молодые люди, стремящиеся получить образование или работу, и люди среднего возраста, обеспокоенные судьбой своих детей, их будущим. Существенно ниже ориентации на миграцию наблюдались у людей старших возрастных групп (старше 50 лет) и у молодежи 18–19 лет, которая, как правило, не принимает решения о переезде самостоятельно. Что же касается уровня образования и социально-профессионального статуса людей, то здесь проявлялась прямо пропорциональная зависимость: чем выше был уровень образования и квалификации, а значит, и степень профессиональной конкурентоспособности на рынке труда, тем выше был уровень потенциальной миграции. Наиболее ориентированы отъезд из республики были люди с высшим и незаконченным высшим образованием, а также лица, занятые квалифицированными видами труда, как умственного, так и физического. Если же учитывать сферу занятости этих людей, то нужно отметить, что среди интеллигенции четко выделялись две группы: производственная интеллигенция, у которой лишь 21,5% выразили намерение уехать, и непроизводственная интеллигенция (наука, культура, просвещение, здравоохранение и пр.), у которой миграционные намерения были выражены наиболее ярко: в этой группе интеллигенции потенциальная миграция достигала 40%. Представители непроизводственной интеллигенции особенно остро ощущали на себе сложности новой политической и социальной реальности Киргизии. Введение закона о языке с наибольшей силой «ударил» именно по этой категории работников.

Каковы же могут быть перспективы миграции русской молодежи из Киргизии в настоящее время? Как показало сопоставление материалов исследований 1999 и 2014 гг., уровень потенциальной миграции молодежи практически не изменился: в конце 1990-х гг. 31% опрошенных высказал желание уехать из республики, в 2014 г. этот показатель составил 28%, при этом отмечается некоторая зависимость активности потенциальной миграции от возраста респондента: чем моложе русская молодежь, тем сильнее ее желание уехать. Молодежь в возрасте 26–30 лет, уже обремененная семьей, значительно реже молодых людей 16–20 лет высказывает намерение поменять место жительства (соответственно 22 и 32%) (табл. 61).

Решение уехать из республики сопряжено с выбором вектора миграции. Большинство русских, опрошенных в 1993 г. было ориентированы на иммиграцию

Таблица 61

**Ориентация на переезд
из Киргизии (%)**

Варианты ответа:	В це- лом по масси- ву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Да	27,7	31,8	29,2	21,8
Нет	25,2	22,7	29,2	24,4
Трудно ска- зать	34,5	29,5	34,7	39,7
Не ответили	12,6	16,0	6,9	14,1
Итого	100	100	100	100

Таблица 62
Страна, в которую собираются
переехать (%)

Варианты ответа:	В целом по мас- сиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
В другие районы Киргизии	4,2	3,4	8,3	1,3
В Россию	38,2	38,6	29,2	46,2
В Казахстан	0,4	1,1	–	–
В другую страну (указать, какую)	8,0	9,1	12,5	2,6
Не ответили	49,2	47,8	50	49,9
Итого	100	100	100	100

в Россию, на свою этническую Родину. Мало что изменилось в миграционных ориентациях русских и в настоящее время. Как явствует из данных табл. 62, абсолютное большинство русских потенциальных мигрантов нацелены на переезд в Россию.

Иммиграция в Россию – не единственный путь «исхода» русских. Второй путь – эмиграция за рубежи бывшего СССР. По данным опроса русского населения 1993 г., 7% русских Киргизии, значительную часть которых составляли высококвалифицированные кадры, ориен-

тировались на выезд за границу бывшего Союза. Опрос русской молодежи в 2014 г. показал схожие результаты: примерно 8% респондентов были нацелены на миграцию за пределы постсоветского пространства.

Изучение мотивации потенциальной миграции русских из Киргизии в начале 1990-х гг. показало проявление в ней обострения межнациональных отношений, выдвигая этнические факторы миграции на одно из первых мест. Так, в ряду мотивов потенциальной миграции русских республики наибольший вес имело «ухудшение межнациональных отношений» (60% – в городе, 35% – в селе).

Второе по удельному весу место среди названных русскими причин возможного отъезда из Киргизии занимал мотив «принятие законов, ущемляющих права русских» (29% – в городе, 22% – в селе). И среди них один из наиболее значимых – закон о языке.

На третьем и четвертом местах в ряду мотивов потенциальной миграции русских в городах Киргизии было «ущемление национального достоинства русских» (19%) и «невозможность продолжить образование, свое и детей» (16%). В сельской местности эти два мотива по степени их значимости поменялись местами: на невозможность продолжить образование ссылались 20% русских, а на ущемление национального достоинства – 12%.

Изучение мотивации потенциальной миграции русской молодежи Киргизии в 2014 г. показало, что преобладающей в структуре миграционной мотивации в настоящее время является экономическая составляющая. Половина опрошенных (50%) назвала основными мотивами миграции «неустойчивое экономическое положение» (17%), «низкую заработную плату» (16%), «опасность безработицы» (9%), «рост цен» (7%). Вместе с тем, значительное место в мотивах потенциальной миграции русской молодежи принадлежит этнически окрашенным мотивам (25%) – «ухудшение межнациональных отношений в Киргизии» (10%), «принятие законов,

ущемляющих права национальных меньшинств» (7%), «плохое знание киргизского языка» (1%), «невозможность продолжить образование» (как правило, связанная с языковой политикой государства) (4%) и «опасность физической расправы, террор» (3%) (табл. 63).

Таблица 63

Мотивы потенциальной миграции (%)

Варианты ответа:	В целом по массе	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Ухудшение межнациональных отношений в Киргизии	10,1	10,2	11,1	9,0
Принятие законов, ущемляющих права национальных меньшинств	7,1	6,8	6,9	7,7
Неустойчивое экономическое положение	17,2	13,6	18,1	20,5
Низкая заработная плата	16,4	12,5	19,4	17,9
Опасность безработицы	9,2	8,0	9,7	10,3
Рост цен	7,1	5,7	9,7	6,4
Плохое знание киргизского языка	0,8	1,1	–	1,3
Невозможность решить жилищную проблему	3,4	2,3	2,8	5,1
Невозможность продолжить образование (свое и детей)	3,8	4,5	–	6,4
Угроза физической расправы, террор	3,4	4,5	2,8	2,6
Семейные причины	4,6	5,7	–	7,7
Другое (указать, что именно)	2,1	1,1	4,2	1,3
Не ответили	44,5	40,9	51,4	42,3
Сумма ответов по столбцу превышает 100%, т. к. респондент мог выбрать несколько вариантов ответа на данный вопрос.				

Современные миграции обладают рядом качественно новых характеристик и прежде всего они далеко не всегда являются безвозвратными миграциями, связанными с окончательным переселением людей. Мигранты в значительной своей части представляют собой временных трудовых мигрантов, чьи переезды связаны с поисками работы, заработка. Материалы этносоциологического исследования 2014 г. показали, что свыше половины всех опрошенных молодых людей русской национальности (59%) хотели бы уехать из Киргизии на заработки или уже работают за границей. Часть из них ориентирована на то, чтобы через какое-то время вернуться назад (34%), но практически каждый четвертый хотел бы устроиться за границей на постоянное жительство и не возвращаться

Таблица 64

Ориентация на работу в другой стране (%)

Варианты ответа:	В целом по массе	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Нет, не хочу	11,3	11,4	9,7	12,8
Хотел бы поработать какое-то время	34,0	37,5	33,3	30,8
Уже работаю	2,9	–	2,8	6,4
Хотел бы устроиться в другой стране на постоянную работу	22,3	23,9	25,0	17,9
Затрудняюсь ответить	10,9	15,9	8,3	7,7
Не ответили	18,6	11,3	20,9	24,4
Итого	100	100	100	100

Таблица 65

Длительность пребывания за пределами Киргизии членов семьи, работающих за границей (%)

	В целом по массиву	Возрастные категории		
		16–20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Менее года	1,3	1,1	1,4	1,3
1–2 года	3,4	3,4	2,8	3,8
3–5 лет	4,6	6,8	1,4	5,1
6–10 лет	2,1	1,1	1,4	3,8
Более 10 лет	2,9	1,1	1,4	6,4
Периодически	0,4	1,1	–	–
Не ответили	85,3	85,4	91,9	79,6
Итого	100	100	100	100

в республику (табл. 64).

в республику (табл. 64).

Направленность потенциальной международной трудовой миграции русской молодежи свидетельствует о том, что самой привлекательной страной приложения труда для нее является Россия, куда хотели бы уехать почти две трети потенциальных трудовых мигрантов. Второй по привлекательности страной для русских трудовых мигрантов являются США, куда желало бы уехать чуть более 12% потенциальных трудовых мигрантов.

Материалы исследования свидетельствуют, что в настоящее время в каждой десятой русской семье Киргизии один или более ее членов работает за границей, при этом в четверти подобных семей за границей работает не один, а два или три ее члена.

Чрезвычайно важным представляется показатель времени пребывания трудовых мигрантов вне Киргизии, в определенной мере характеризующий и степень их адаптации в стране назначения, и дающий возможность прогноза масштабов явления перерастания временной трудовой миграции в постоянную, безвозвратную. Материалы исследования дают представление о том, на какой срок уезжают русские трудовые мигранты из Киргизии. Лишь менее 10% мигрантов выезжают на срок до одного года. Большинство мигрантов уезжает на сроки 1–2 года и 3–5 лет. Но значительная часть мигрантов отправляется на заработки на длительный срок, годами живя без дома и семьи. Так, около 15% русских трудовых мигрантов работают за границей более 5 лет, а практически каждый пятый работает в другой стране более 10 лет (табл. 65).

Значительная доля временных русских трудовых мигрантов, живущих вне Киргизии около и свыше 10 лет, свидетельствует о наличии среди мигрантов многочисленной группы людей, ориентированных не на решение каких-то микроадаптивных ситуаций, а на более устойчивую адаптивную стратегию, на окончательную, безвозвратную миграцию из Киргизии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение хотелось бы отметить, что, судя по материалам опроса, положение русской молодежи в Киргизии далеко неоднозначно, так же как и реакция молодых людей на нынешнюю ситуацию в республике. С одной стороны, проявилась тенденция к росту материального благосостояния русских, что выразилось в

их самооценках, и в масштабах распространения в их семьях современных предметов домашнего обихода, технических новшеств, обеспеченности жильем и т.п. С другой стороны, столь же четко обозначился процесс межпоколенной нисходящей мобильности – снижение социально-профессионального статуса респондентов по сравнению с их родителями. Несмотря на то, что социальные притязания молодых людей русской национальности стали скромнее, мало кто из них высказал предпочтение работе в сфере физического труда. Между тем именно таким трудом занята значительная часть русских юношей и девушек и, очевидно, благодаря неплохому заработку, многие молодые люди в основном удовлетворены своей работой, но не рассматривают ее в качестве постоянной.

По данным исследования, большинство русских учатся и работают в коллективах, где киргизы составляют большинство, и отношения в них оцениваются как вполне благоприятные. Национальность, по мнению респондентов, не важна ни при выборе коллег, ни при выборе начальника. Немалая часть русской молодежи проявляет интерес к истории страны своего проживания и считает Киргизию своей Родиной.

В то же время многие русские юноши и девушки признают факты дискриминации русских при продвижении по службе и занятии руководящих должностей и преимущества в этих случаях у киргизов. Почти четверть представителей русской молодежи оценивают отношения между русскими и киргизами как напряженные.

Хотя русская молодежь считает, что руководство Киргизии в той или иной мере учитывает интересы местного русского населения, было выявлено немало и тех, кто недоволен руководством республики, особенно на местном уровне. По мнению молодых людей, в киргизском обществе остается немало противоречий, в особенности между богатыми и бедными, между чиновниками и остальным населением.

По итогам проведенного этносоциологического исследования в городах Киргизии выявилось доминирование в использовании языка своей национальности русской молодежью. Данное обстоятельство обусловлено в первую очередь тем, что в этой республике русские имеют возможность беспрепятственно использовать свой родной язык. Знание государственного киргизского языка у русских респондентов находится на невысоком уровне, что объясняется низкой потребностью в его изучении, а также возможностью удовлетворять свои потребности в различных сферах общества на русском языке.

Однако нельзя не отметить и ряд тенденций негативного характера. Прежде всего, это резкое сокращение русскоязычного населения в республике, т.е. самих носителей русского языка. Проблемой для русских остается практически полное отсутствие их представителей в органах власти, что произошло за годы суверенизации республики. Причем из-за огромной внутренней миграции в роли чиновников

выступают в основном киргизы, приехавшие из сельских районов, слабо знающие русский язык.

Несмотря на, казалось бы, очевидную значимость двуязычия и необходимость его в такой полиэтничной стране, как Киргизия, немалая часть русской молодежи считает знание киргизского языка необязательным.

Будучи достаточно аполитичными, многие молодые люди русской национальности, тем не менее, готовы участвовать в протестных акциях, если будут серьезно ущемлены их экономические интересы или резко ухудшится отношение к русским со стороны властей и титульного народа.

Неплохая адаптированность русской молодежи, абсолютное большинство которой составляют уроженцы Киргизии, к социально-экономическим и культурным условиям республики, тем не менее заставляет значительную ее часть задумываться о переезде из страны. Выбирая миграционную стратегию, осуществить которую было легче в условиях упрощенного приобретения гражданства, обусловленного действием двухстороннего межправительственного соглашения между Киргизией и Россией (куда направлялась большая часть эмигрантов), русская молодежь отдает предпочтение ее поэтапному осуществлению: от трудовой миграции – к безвозвратной эмиграции из страны.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Субботина И.А. Русская диаспора: численность, расселение, миграция // Русские в новом зарубежье: Киргизия. М., 1995. С. 55–56.
2. Там же. С. 57–58.
3. Там же. С. 60–61.
4. Основные итоги первой национальной переписи населения Кыргызской Республики 1999 года. Бишкек, 2000. С. 26–27.
5. Там же. С. 59.
6. Торгашева Л. Что же их гонит? // Слово Кыргызстана. 1994. 4 марта.
7. Денисенко Е. Русские в преддверии «часа пик» // Независимая газета. 1994. 16 июня.
8. Там же.
9. Элебаева А. Современные миграционные процессы в Кыргызстане // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / Ред. Ж.А. Зайончковская, Г.С. Витковская. М., 2009. С. 384.
10. Население Кыргызстана в начале XXI века / Ред. М.Б. Денисенко. Бишкек, 2011. С. 217.
11. Русские / Отв. ред. Ю.В. Арутюнян. М., 1992. С. 96.
12. Здесь и далее приводятся данные, рассчитанные по материалам Всесоюзных переписей населения 1959, 1979, 1989 гг.
13. Содружество Независимых Государств в 2003 г.: Статистический сб. М., 2004. С. 27.
14. Содружество Независимых Государств 2000–2014: Краткий статистический сб. М., 2015. С. 18–29.
15. Там же. С. 18, 94.
16. Содружество Независимых Государств в 2006 г.: Статистический сб. М., 2007. С. 144.
17. Содружество Независимых Государств 2000–2014: Краткий статистический сб. М., 2015. С. 63.
18. Содружество Независимых Государств в 1999 г.: Статистический сб. М., 2000. С. 316, 366, 581.
19. Содружество Независимых Государств 2000–2014: Краткий статистический сб. М., 2015. С. 155.
20. Там же. С. 65.
21. Население и социальные индикаторы стран СНГ и отдельных стран мира. 2011–2014. М., 2015. С. 25.
22. Там же. С. 80.
23. Там же. С. 70.
24. Там же. С. 31.
25. Здесь и далее приводятся данные, рассчитанные по материалам переписи населения Кыргызской Республики 1999 г. См.: Итоги Первой национальной переписи населения Кыргызской Республики 1999 г. Бишкек, 2001.
26. Остапенко Л.В. Технологии адаптации к постсоветским реалиям. Русские предприниматели в новом зарубежье // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2006. № 190.
27. Население Кыргызстана в начале XXI века / Ред. М.Б. Денисенко. Бишкек, 2011. С. 90.
28. Там же. С. 260.
29. Слово Кыргызстана. 1993. 21 сентября.
30. Краткие статистические данные по общеобразовательным школам Кыргызской Республики на начало 2010–2011 учебного года. Министерство образования и науки Кыргызской Республики. Бишкек, 2011. С. 18–19, 14–17.
31. Там же. С. 18–19.
32. Там же. С. 20.
33. Навигатор-2. Интернет-газета. 28 июня 2005 г.
34. Там же.
35. Там же.
36. Итоги Первой национальной переписи населения Кыргызской Республики 1999 г.
37. Выявление степени удовлетворенности национально-культурных и языковых потребностей этнических групп Кыргызстана // <http://www.assamblea.kg/info.htm>
38. Российская газета, интернет-версия // <http://www.rg.ru/prilog/es/062400/4.shtml>

«ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРИКЛАДНОЙ И НЕОТЛОЖНОЙ ЭТНОЛОГИИ»

1990 г.

- №1 Арутюнов С.А., Анчабадзе Ю.Д. О национальной ситуации на Северном Кавказе.
- №2 Брук С.И. Немцы в СССР: современная ситуация.
- №3 Калиновская К.П., Марков Г.Е. Национальная и межэтническая ситуация в области расселения ногайцев.
- №4 Соколова З.П. Актуальные вопросы современного развития экономики и культуры хантов.
- №5 Арутюнов С.А., Смирнова Я.С., Сергеева Г.А. Этнокультурная ситуация в Карачаево-Черкесской автономной области.
- №6 Тер-Саркисянц А.Е. Донские армяне и этнокультурная ситуация в Ростовской области.
- №7 Васильев В.И. Проблемы национального развития малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области.
- №8 Иванова Ю.В. Греческое население Грузии: современные межэтнические отношения.
- №9 Бушков В.И. О некоторых аспектах межнациональных отношений в Таджикской ССР.
- №10 Брусина О.И. О некоторых причинах межэтнического конфликта в Ошской области.

1991 г.

Серия А:

- №11 Сагаева С.К. Состояние и перспективы развития межэтнических отношений в г. Уральске Казахской ССР.
- №12 Тишков В.А. Этничность и власть в СССР (этнополитический анализ республиканских органов власти).
- №13 Иванова Ю.И. Этносоциальные проблемы греческого населения Грузии.
- №14 Кульчик Ю.Г., Румянцев С.И. О развитии общественно-политической ситуации в ССР Молдова.
- №15 Брук С.И. Народы СССР в стране и за рубежом.
- №16 Гурвич И.С., Батянова Е.П. Современное развитие межнациональных отношений в Чукотском автономном округе.
- №17 Осипов А.Г. Межнациональные отношения в Краснодарском крае (в связи с проблемой беженцев).

- №18 Жорницкая М.Я. Национальная ситуация в Тувинской АССР и Хакаской АО (май-июнь 1990 г.).
- №19 Остроух И.Г., Шервуд Е.А. Меннониты Оренбургской области.
- №20 Брусина О.И., Осипов А.Г. К вопросу о состоянии межэтнических отношений в Узбекской ССР.
- №21 Григорьева Р.А. Некоторые особенности этнокультурных процессов в Восточной Латвии (Латгале).
- №22 Емельянов В.М. Основные этапы этнополитической эволюции польской национальной группы в Литве в 1990 г.
- №23 Кузнецов А.И., Миссонова Л.И. Ороки Сахалина: проблемы современного развития.
- №24 Абашин С.Н., Бушков В.И. Социальная напряженность и межнациональные конфликты в северных районах Таджикистана.
- №25 Молчанов М.А. Этнополитические предпосылки объявления независимости Украины.

Серия Б:

- №1 Кашуба М.С., Мартынова М.Ю. Государственная политика и современные национальные отношения в Югославии.
- №2 Крюков М.В. Политика национальной автономии в Китае.
- №3 Стельмах В.Г. Самоуправление индейских резерваций в США.
- №4 Кожановский А.Н. Испания: этничность и регионализм.

1992 г.

Серия А:

- №26 Бушков В.И., Микульский Д.В. Общественно-политическая ситуация в Таджикистане: январь 1992 г.
- №27 Шинкевич С., Заринов И.Ю. Поляки Российской империи и СССР: историческая справка и характеристика современной ситуации.
- №28 Сагаева С.К. Российское казачество.
- №29 Островидова Е.Ю. Трансформация СССР: Предпосылки и перспективы суверенизации бывших союзных республик.
- №30 Тер-Саркисянц А.Е. Современная этнополитическая ситуация в Краснодарском крае Российской Федерации.

- №31 Сатвалдыев А.Н. К характеристике религиозной ситуации в Шахимардане (Узбекистан).
- №32 Губогло М.Н. Изменение этнодемографической ситуации в столицах союзных республик в 1959–1989 гг. (по материалам переписей населения СССР).
- №33 Губогло М.Н. Развитие этнодемографической ситуации в столицах автономных республик в 1959–1989 гг. (по материалам переписей населения СССР).
- №34 Гузенкова Т.С. Межэтническая ситуация в Калмыкии.

Серия Б:

- №5 Празаускас А.А. Индия: национальная политика и федерализм.
- №6 Соколова И.В. Политика официального индеанизма в Мексике (идеология и практика).

1993 г.

- №35 Кузнецов А.И., Миссонова Л.И. Этносоциальное положение звенов в Эвено-Бытантайском национальном районе Якутии.
- №36 Малькова В.К. Проблемы русской диаспоры в ближнем российском зарубежье (по материалам прессы).
- №37 Москаленко Н.П. Этнополитическая ситуация в республике Тува (1992 г.).
- №38 Бутанав В.Я. Этнополитические и этнокультурные процессы в республике Хакасия.
- №39 Батянова Е.П. К этнополитической ситуации в Кемеровской области.
- №40 Бушков В.И., Микульский Д.В. Таджикистан: Что происходит в республике?
- №41 Малькова В.К. Пресса о современной этнической ситуации в Татарстане.
- №42 Бухаев С.С. Этнополитическая и этнокультурная ситуация в республике Бурятия.
- №43 Шнирельман В.А. Бикинские удгейцы: политика и экология.
- №44 Ногайцы сегодня. [Калиновская К.П., Марков Г.Е. Поиски решения проблем в Ногайской степи. Викторин В.М. Астраханские ногайцы.
- №45 Бабич И.П. Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии.
- №46 Кыдыева В.Я. К этнополитической и этнокультурной ситуации в Республике Алтай.

- №47 Пчелинцева Н.Д., Самарина Л.В. Современная этнополитическая и этнокультурная ситуация в Республике Адыгея.
- №48 Смирнова Я.С. Карачаево-Черкесия: этнополитическая и этнокультурная ситуация.
- №49 Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе.
- №50 Современная общественно-политическая ситуация в Средней Азии и Казахстане.
- №51 Тишков В.А. Русские в Средней Азии и Казахстане.
- №52 Тишков В.А. Русские как меньшинства (пример Эстонии).
- №53 Лопуленко Н.А. Правовой статус и самоуправление у аборигенов Аляски.
- №54 Васильев В.И., Малиновская С.М. Концепция национально-политического, экономического и культурного развития малочисленных народов Севера Томской области.

1994 г.

- №55 Тер-Саркисянц А.Е. Межнациональные отношения в Краснодарском крае (1993 г.) (основные тенденции развития).
- №56 Жуковская Н.Л. Республика Бурятия: этнорелигиозная ситуация (1991–1993 гг.).
- №57 Червоная С.М. Крымско-татарское национальное движение (1991–1993 гг.).
- №58 Таболина Т.В. Панорама современного казачества: Истоки, контуры, типологизация.
- №59 Филиппов В.Р. Этнополитическая ситуация в Чувашии (1988–1993 гг.).
- №60 Григорьева Р.А., Мартынова М.Ю. Этнокультурная ситуация в Беларуси: история, языки, политика.
- №61 Иванов А.М. Этнополитическая ситуация в Республике Саха (Якутия).
- №62 Столярова Г.Р. Этнополитическая ситуация в Республике Татарстан.
- №63 Шаров В.Д. Этнополитическая ситуация в Республике Марий Эл.
- №64 Бирин В.Н. Этнополитическая ситуация в Карелии накануне выборов в Федеральное собрание.
- №65 Гучинова Э.-Б.М., Таванец С.Д. Этнополитическая ситуация в Калмыкии.
- №66 Восходов И.И., Комарова Г.А. Предвыборная ситуация в Чувашской Республике (осень–зима 1993 г.).
- №67 Шаббаев Ю.П., Розачев М.Б., Котов О.В. Этнополитическая ситуация на территории проживания народов Коми.
- №68 Аккеева С.И. Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарской республике.
- №69 Абаева Л.Л., Крянев Б.П. Социально-политологический анализ выборов в Республике Бурятия (сентябрь, 1994 г.).

- №70 Хаджибиев Р., Полякова Т. Этнополитическая ситуация в Адыгее.
- №71 Зыков Ф.М. Этнополитическая ситуация в Республике Саха до и после выборов 12 декабря 1993 г.
- №72 Кисриев Э.Ф. Этнополитическая ситуация в Республике Дагестан.
- №73 Куликов К.И., Христолюбова Л.С. Этнополитическая ситуация в Удмуртской республике в 1993г.
- №74 Кужугет А., Татаринцева М. Этнополитическая ситуация в Республике Тыва накануне и после выборов в Федеральное собрание России в 1993 г.
- №75 Зубков А.А., Маресев В.В. Демографические процессы, этническая и социально-политическая структура Мордовии.
- №76 Гостиева Л.К., Дзадзиев А.Б. Этнополитическая ситуация в Северной Осетии.
- №77 Губогло М.Н. Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк I. Плоды суверенизации.
- №78 Губогло М.Н. Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк II. Ростки демократизации.
- №79 Губогло М.Н. Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк III. Урожай дезинтеграции.
- №80 Губогло М.Н. Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк IV. Выходы реинтеграции.

1995 г.

- №81 Дубова Н.А., Комарова О.Д., Ямсков А.Н. Факторы формирования межэтнических отношений в среде сельского населения южных районов Пермской области.
- №82 Иванова Ю.В. Проблемы межэтнических взаимоотношений в Северном Приазовье и Крыму: история и современное состояние.
- №83 Ильин В.И. Республика Коми: этнос и политика.
- №84 Мартынова М.Ю. Война на Балканах: истоки и реалии (1991–1994 гг.).
- №85 Здравомыслов А.Г., Матеева С.Я. Межнациональные конфликты в России и постсоветском пространстве.
- №86 Рубан Л.С. Развитие конфликтной ситуации в Астраханской области.
- №87 Дубова Н.А., Лопуленко Н.А. Современные этносоциальные проблемы Кизеловского района Пермской области.
- №88 Смольникова Н.В. Немцы Поволжья: современные этнополитические проблемы.

- №89 Пчелинцева Н.Д., Самарина Л.В. Карачай в контексте новой исторической реальности.
- №90 Кульчик Ю.Г. Республика Узбекистан в середине 90-х годов.
- №91 Мартынова М.Ю. Национальные меньшинства в странах Восточной Европы в 90-е годы. Поиск мирных решений.

1996 г.

- №92 Исхакова С.М., Валеев Ф.-Т.А. Сибирские татары: этнокультурные и политические проблемы возрождения.
- №93 Михайлов С.С. Положение ассирийцев – вынужденных переселенцев в Краснодарском крае.
- №94 Этнический фактор в современном социально-политическом развитии Казахстана. / Брусица О.И. Национальная государственность и «русский вопрос» в Казахстане; Митина Д.А. Миграционные процессы и тенденции этносоциального развития в Казахстане/.
- №95 Малькова В.К. Русское население в российских республиках.
- №96 Ямсков А.Н. Территории традиционного землепользования в Хабаровском крае.
- №97 Лопуленко Н.А. Американский опыт урегулирования проблем коренного населения.
- №98 Остапенко Л.В., Субботина И.А. Русские в Молдавии: проблемы занятости и миграции.
- №99 Каган, Микаэлла. Еврейская эмиграция из бывшего СССР в США.
- №100 Тишков В.А. Концептуальная эволюция национальной политики в России.

1997 г.

- №101 Червоная С.М. Крымско-татарское национальное движение (1994–1996).
- №102 Дерябин В.С. Коми-пермяки сегодня: особенности этнокультурного развития.
- №103 Малькова В.К. Республиканская пресса России – новая этнонациональная идеология.
- №104 Жуковская Н.Л. Возрождение буддизма в Бурятии: проблемы и перспективы.
- №105 Аруин А.Н. Российская государственность и проблемы федерализма.
- №106 Шаббаев Ю.П., Пешкова В.М. Русские в республике Коми.
- №107 Ямсков А.Н. Русское население в полиэтничных районах Закавказья, Сибири и Урала.
- №108 Поляков С.П., Бушков В.И. Социально-экономическая ситуация в северокавказском регионе.

- №109 *Таболкина Т.В.* Казачество на рубеже XXI века: проблемы и возможности.
 №110 *Юраш А.В.* Религиозные организации современной Украины.

1998 г.

- №111 *Малькова В.К., Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Москва многонациональная: конфликт или согласие? (По данным опроса московских школьников).
 №112 *Симченко Ю.Б.* Народы Севера России. Проблемы. Прогноз. Рекомендации.
 №113 *Червоная С.М.* Крым-97: Курултай против раскола.
 №114 *Шнирельман В.А.* Неоязычество и национализм. Восточно-Европейский ареал.
 №115 *Малькова В.К.* Москва многонациональная: конфликт или согласие? II. Анализ московской прессы.
 №116 *Сирина А.А.* Современные проблемы малых народов Севера Магаданской области.
 №117 *Смоляникова Н.В.* Немцы Волгоградской области: Этнокультурная и этнополитическая ситуация в 1995–1997 гг.
 №118 *Балалаева О., Уигет Э.* Биосферный резерват как форма сохранения этнической культуры (на примере юганских хантов).
 №119 *Дубова Н.А., Лопуленко Н.А., Мартынова М.Ю.* Калининградская область: Современные этнокультурные процессы.
 №120 *Абашиш С.Н., Бушков В.И.* Таджикистан: некоторые последствия трагических лет.

1999 г.

- №121 *Рыжакова С.И.* Dievturība. Латышское неоязычество и истоки национализма.
 №122 *Комарова Г.А.* Люди и радиация: этнокультурные аспекты экологического бедствия на Южном Урале.
 №123 *Шнирельман В.А.* Формирование этничности: тлингиты юго-восточной Аляски в конце XX в.
 №124 *Кашуба М.С.* Рост национализма в условиях конфликта (пример автономного края Косова и Метохии – Союзная Республика Югославия).
 №125 *Козлов С.Я.* Евреи Москвы в 90-е годы XX века: Действительно ли происходит религиозный ренессанс?
 №126 *Сирин А.А.* Родовые общины малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия): шаг к самоопределению?
 №127 *Акаев В.Х.* Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе.
 №128 *Иванова Ю.В.* Косовский кризис. Этнические аспекты проблемы.

- №129 *Червоная С.М.* Карачаево-Черкесия – 1999: Выборы главы республики.
 №130 *Мартынова Е.П., Пивнева Е.А.* Современное природопользование таежного населения Нижнего Приобья.

2000 г.

- №131 *Бабич И.Л.* Правовой плюрализм на Северо-Западном Кавказе.
 №132 *Перепись – 2002: проблемы и суждения.*
 №133 *Бабич И.Л.* Правовой монизм в Северной Осетии: история и современность.
 №134 *Ярлыкпалов А.А.* Проблема ваххабизма на Северном Кавказе.
 №135 *Завурбекова Г.В.* Сепаратизм в Чечне.
 №136 *Рыжакова С.И.* Ромува. Этническая религиозность в Литве.
 №137 *Козлов С.Я.* Иудаизм в современной России: Основные структуры и направления.
 №138 *Города Подмосковья: Этнодемографические и гендерные проблемы.*

2001 г.

- №139 *Зенько М.А.* Современный Ямал: этноэкологические и этносociальные проблемы.
 №140 *Воробьев Д.В.* Жизнеобеспечение и адаптивная стратегия звенков в конце XX века (север Туруханского района Красноярского края).
 №141 *Клоков К.Б., Красовская Т.М., Ямсков А.Н.* Проблемы перехода к устойчивому развитию районов расселения коренных народов российской Арктики.
 №142 *Малькова В.К.* Москва многонациональная: конфликт или согласие? III. Русские москвичи и иноэтничные мигранты: Взгляд друг на друга.
 №143 *Рыжакова С.И.* Ливы: Опыт возрождения почти исчезнувшего народа.
 №144 *Матвеев В.А.* «Украина от Карпат до Кавказских гор!»...? Полемические заметки по поводу одного из современных геополитических проектов.
 №145 *Степанов В.В.* Российская перепись 2002 года: пути измерения идентичности больших и малых групп.

2002 г.

- №146 *Матвеев В.А.* Сепаратизм на Северном Кавказе: Границы явления на рубеже XIX–XX веков.
 №147 *Матвеев В.А.* Исторический опыт противостояния сепаратизму на Северном Кавказе и современность.
 №148 *Ситнянский Г.Ю.* Тринадцатый миф о Центральной Азии.
 №149 *Силантьев Р.А.* Этнический аспект раскола исламского сообщества России.

- №150 *Губогло М.Н.* Мобильность и мобилизация.

- №151 *Смирнова С.К.* Права народов в мультиэтничном государстве: Путь России.
 №152 *Сирин А.А.* Народы Севера Иркутской области.
 №153 *Юраков А.В.* Ресурсы межэтнической толерантности в Башкортостане.
 №154 *Смирнова С.К.* Современные социально-экономические процессы в Удмуртии.
 №155 *Осипов А.Г.* Идеология «миграционной политики» как элемент конструирования этнической конфликтности (на примере Краснодарского и Ставропольского краев).
 №156 *Смирнова С.К.* Современные этносоциальные процессы в Удмуртии.
 №157 *Смирнова С.К.* Современные этнополитические процессы в Удмуртии.
 №158 *Бабич И.Л.* Основные тенденции постсоветской этнокультурной политики в Республике Алтай.
 №159 *Димаева Ф.В.* Ислам в современной Чеченской республике.

2003 г.

- №160 *Ситнянский Г.Ю.* Русские в СНГ – «здесь» или «там»: По поводу нового закона «О гражданстве Российской Федерации».
 №161 *Тишков В.А.* Историко-антропологический анализ переписи населения.
 №162 *Миссонова Л.И.* Остров Сахалин: Современные проблемы жизнедеятельности уйльта (ороченов).
 №163 *Завурбекова Г.В.* Ваххабизм в Чечне.
 №164 *Аксенова Г.А., Давыдова С.С.* Этнические стереотипы и ценностные ориентации московских школьников (на примере русских и армян).
 №165 *Анапбан З.В.* Хакасия в постсоветский период (проблемы адаптации к социально-экономическим преобразованиям).
 №166 *Устинова М.Я.* Гражданское общество в Латвийской Республике (1980-е гг. – начало XXI в.).

2004 г.

- №167 *Харитонов В.И.* Религиозный фактор в современной жизни народов Севера и Сибири.
 №168 *Шлыгина Н.В.* Финны-репатрианты из бывшего Советского Союза на исторической родине.
 №169 *Фаус О.Д.* Обычное право в современной Сардинии (по материалам экспедиции).
 №170 *Лопуленко Н.А.* Опыт автономии в Канадской Арктике – Нунавут.
 №171 *Наумова О.Б.* Казахские животноводы в конце XX века (взгляд антрополога).

- №172 *Найденова Е.А.* Поликультурное образование как средство воспитания межкультурной толерантности.
- №173 *Ториев Б.Х.* Республика Ингушетия в статистике и экспертных оценках (апрель–май 2003 г.).
- №174 *Губогол М.Н., Дубова Н.А.* Социально-адаптивная и этноразрушительная энергия гастарбайтерства.
- №175 *Субботина И.А.* Молдавия: Этнические модели адаптации к условиям трансформирующегося общества.

2005 г.

- №176 *Пастухов В., Рассел Д., Тишков В., Хопман Д., Шенфилд С.* После Беслана: Дискуссия российских и американских экспертов.
- №177 *Гречёв С.В., Мартыненко А.В., Шилов Н.В.* Православное христианство и ислам в Мордовии: Проблемы межкультурного диалога.
- №178 *Каландаров Т.С.* Памирские мигранты-исмаилиты в России.
- №179 *Питерская Е.* Современные этносоциальные исследования в Канадской и Американской Арктике.
- №180 *Субботина И.А.* Гагаузы: трансформация расселения и современные миграционные процессы.
- №181 *Мартынова Е.П., Пивнева Е.А.* Коренные народы Обского Севера: Современное положение. Опыт адаптации.
- №182 *Олимова С., Олимов М.* Трудовая миграция в Афганистане.
- №183 *Финно-угорские народы России:* Общее положение, проблемы и решения.

2006 г.

- №184 *Дубова Н.А., Ямсков А.Н.* Демографическая ситуация в абхазских долгожительских селениях.
- №185 *Мартынова М.Ю.* Сербия–Черногория–Косово: одно государство или три?
- №186 *Сирин А.А., Фонда Г.А.* Эвенки Северного Прибайкалья и проект строительства нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан».
- №187 *Новикова Н.И.* Рынок труда и занятость коренных малочисленных народов Севера России: Ханты-Мансийский автономный округ и Сахалинская область.
- №188 *Александренков Э.Г.* Индихенизм в Латинской Америке (политика и наука о коренных обитателях).
- №189 *Новикова Н.И., Якель Ю.Я.* Судебная защита права на традиционное природопользование: Антрополого-правовые аспекты.
- №190 *Остапенко Л.В.* Технологии адаптации к постсоветским реалиям. Русские предприниматели в новом зарубежье.

- №191 *Анаибан З.В.* Население Южной Сибири в эпоху перемен: Адаптация к новым условиям жизни.
- №192 *Рыжакова С.И.* Латышский язык: исторические преобразования и социокультурные аспекты бытования.

2007 г.

- №193 *Череватенко В.И.* Трансформация гендерных стереотипов в чеченском обществе в период вооруженного конфликта.
- №194 *Козлов С.Я.* Московские евреи: реалии этнокультурного возрождения (конец XX– начало XXI в.).
- №195 *Устинова М.Я.* Латвийская Республика после вступления в Евросоюз: новые вызовы.
- №196 *Тишков В.А., Шаббаев Ю.П.* Финно-угорская проблема: Ответ Евросоюзу.
- №197 *Александренков Э.А.* Аборигены Колумбии и государство.
- №198 *Ситнянский Г.* Отношения Юга и Севера Киргизии: История и современность.
- №199 *Банаева М.Г.* Бурятская община Москвы.

2008 г.

- №200 *Тишков В.А.* 20 лет спустя: Опыт переосмысления теории и практики межнациональных отношений.
- №201 *Малькова В.К.* Образы многонационального города в современной столичной прессе.
- №202 *Брусина Н.И.* Ставропольские туркмены. Этнокультурное развитие, социальные обычаи, процессы адаптации и интеграции.
- №203 *Тер-Саркисянц А.Е.* Современная политическая и этнокультурная ситуация в Нагорном Карабахе.
- №204 *Мартынова М.Ю.* Косовский узел: этнический фактор.
- №205 *Сирин А.А., Жуковская Н.Л., Инешин Е.М., Рагулина М.В., Тюхтенева С.П.* Газ на экспорт: Этнокультурные проблемы транспортировки.
- №206 *Чубарова В.В.* Стереотип поляка в польском и русском восприятии: опыт антропологического исследования.
- №207 *Харитонов В.И., Ожиганова А.А., Купряшина Н.А.* В поисках духовности и здоровья (новые религиозные движения, неошаманизм, городской шаманизм).
- №208 *Бабич И.П.* Духовные ценности и проблемы формирования новой идеологии у народов Северного Кавказа.

2009 г.

- №209 *Локшин А.Е.* История российских евреев в школьных учебниках РФ.

- №210 *Морозов Д.Ю.* Североафриканская иммиграция во Францию.
- №211 *Тер-Саркисянц А.Е.* Адаптация армян к новым условиям постсоветского времени
- №212 *Кожановский А.Н., Любарт М.К.* Проблемы западноевропейской иммиграции на примере Франции и Испании.
- №213 *Бабич И.П.* Культура шапсугов Причерноморья и проблема сохранения идентичности в XXI в.
- №214 *Эпштейн А.Д.* В плену прошлого: Генезис коллективной памяти как фактор эскалации Палестино-Израильского конфликта.
- №215 *Бабич И.П., Родионова О.В.* Теория и практика мультикультурализма.

2010 г.

- №216 *Данилко Е.С.* Маленький провинциальный город в современной России.
- №217 *Новикова Н.И., Степанов В.В.* Индикаторы качества жизни коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области.
- №218 *Европейская языковая Хартия и Россия.*
- №219 *Заурбекова Г.В.* Технология манипулирования этнополитическим конфликтом в Чеченской республике (1991–1999 гг.).
- №220 *Оларин Д.А., Уманская А.И.* Проблемы природопользования саамов Кольского полуострова и инуитов Восточно-Канадской Арктики (Нунавут).
- №221 *Шльегина Н.В.* Традиционные меньшинства Финляндии: формирование и современный статус.
- №222 *Зотова Н.А.* Узбекские общины в России: новые диаспоры (на примере Санкт-Петербурга, Астрахани и Красноярска).
- №223 *Миссонова Л.И.* Этническая идентификация населения Сахалина: от переписи А.П. Чехова 1890 г. до переписей XXI-го века.

2011 г.

- №224 *Устинова М.Я.* Неграждане Латвии: статус и перспективы интеграции.
- №225 *Зорин В.Ю.* Государственная национальная политика в России и современность.
- №226 *Матвеев В.А.* «Черкесский вопрос»: современные интерпретации и реалии эпохи.
- №227 *Анаибан З.В.* Межэтническая ситуация и этнополитические процессы в постсоветской Туве.

2012 г.

- №228 *Популенко Н.А.* «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» (1990–2011 гг.): аналитический обзор.

№229 *Комарова Г.А.* Академическая жизнь: поле междисциплинарных научных исследований.

№ 230/231 Социокультурные последствия Чернобыльской аварии.

№ 232 *Устинова М.Я.* Основные проблемы применения в Латвии Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств.

№ 233 *Малькова В.К.* Полиэтническая Москва 2011–2012 гг.: «тревожные звонки в информационном пространстве».

2013 г.

№ 234 *Мартынова М.Ю.* Школьное образование и идентичность. Отечественные и зарубежные концептуальные педагогические подходы к национальной (общегосударственной) интеграции и культурному многообразию общества.

2014 г.

№ 235 *Малькова В.К.* Новое этнопространство современной Москвы.

№ 236 *Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А.* Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: формирование общероссийской гражданской идентичности и укрепление духовной общности российской нации.

№ 237 *Белова Н.А.* Молодежь русской провинции (на примере города Нерехты Костромской области).

№ 238 *Гаер Е.А., Батьянова Е.П., Шпинев В.Н.* Коренные малочисленные народы Нижнего Амура в постперестроечной действительности (по материалам этнографической экспедиции в Хабаровский край в августе – сентябре 2012 года).

№ 239 *Губогло М.Н., Старченко Р.А.* Языковая жизнь и региональная идентичность крымчан – оплот антиукраинизации (из опыта этносоциологических исследований в Крыму 2013 г.).

№ 240 *Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Армянская диаспора в России: социально-демографические характеристики (вторая половина XX – начало XXI вв.)

2015 г.

№ 241 *Губогло М.Н.* Симбиоз этнической и региональной идентичности.

№ 242 *Тишков В.А.* Ярость благородная... Великая победа и советский народ (антропологический подход).

№ 243 *Малькова В.К.* «Крым наш!» в российском информационном пространстве.

№ 244 *Снежжкова И.А.* Армянская церковь в Москве.

№ 245 *Эпштейн А.Д.* Европейское еврейство в начале XX начале XXI вв.: исчезающие этнокультурные общности?

№ 246 *Остапенко Л.В., Старченко Р.А., Субботина И.А.* Русская молодежь вне России: Киргизия.

Подписано к печати 2.11.2015 Тир. 100 экз. Печ. л. 3,9 Заказ № 75

Участок множительной техники ИЭА РАН, Ленинский пр., 32 А.

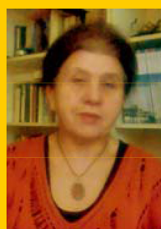
Остапенко Любовь Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ЦИМО ИЭА РАН. Область научных интересов – этносоциальные аспекты трудовой занятости и социальной стратификации, автор более 100 научных работ, включая монографии.

Ostapenko Lyubov V. – holds a Ph.D. degree in historical sciences. She is a senior researcher at the Center of Studies for Inter-ethnic Relations IEA RAS. Her academic interest includes ethno-social aspects of employment and social stratification, author of more than 100 scientific works, including monographies.

Старченко Роман Александрович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник ЦИМО ИЭА РАН. Сфера научных интересов: языковая ситуация и региональная идентичность в Крыму и Приднестровье, русское население Киргизии, двуязычие в России, русские и украинские диаспоры в России и Украине, автор более 15 публикаций.

Starchenko Roman A. – junior scientific researcher Center of Studying of Interethnic Relations IEA RAS. Scientific interests: language situation and regional identity in the Crimea and Transnistria, Russian population of Kyrgyzstan, bilingualism in Russian, Russian and Ukrainian diasporas in Russia and Ukraine, author of more than 15 publications.

Субботина Ирина Алексеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этноэкологии ИЭА РАН. Область научных интересов – этносоциология и этнодемография, автор более 100 научных работ.

Subbotina Irina A. – holds a Ph.D. degree in historical sciences. She is a senior researcher in the ethno-ecology sector IEA RAS. Her academic interest includes ethno-sociology and ethno-demography, author of more than 100 scientific works, including monographies.

ISBN 978-5-4211-0148-2

9 785421 101482